

ШАРЛОТТА БРАНДИШ

МЮЗИК-ХОЛЛ
НА
ГРОУВ-ЛЕЙН

Шарлотта Брандиш Мюзик-холл на Гроув-Лейн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68639170

SelfPub; 2022

Аннотация

Лондон, 1935 год. Мюзик-холл на Гроув-Лейн гостеприимно распахивает двери для почтеннейшей публики. Чечётка на крыльях самолёта, магические иллюзии, дрессированный гусь, танцы, песни, номера с мгновенным перевоплощением – артисты, не жалея сил, дарят зрителям яркие эмоции.

Однако труппу с самого начала театрального сезона преследуют неудачи. Травмируется одна танцовщица, затем погибает другая – и Филипп Адамсон, антрепренёр труппы, вынужден обратиться за помощью к сестре. Этой зимой Оливии Адамсон предстоит не только вникнуть в хитросплетения закулисных интриг, но и попробовать себя в амплуа ассистентки иллюзиониста и полицейского осведомителя, а также спасти от петли невиновного, разоблачив истинного преступника.

Но как понять, какие чувства таятся за улыбками и ярким гримом? Как распознать, кто лжёт, а кто говорит правду? Третья книга в серии о расследованиях близнецов Адамсон понравится любителям классических английских детективов.

До встречи в мюзик-холле на Гроув-Лейн!

Содержание

Глава первая, в которой Эффи Крамбл и Имоджен Прайс предпочитают смирению месть, а Марджори Кингсли и Лавиния Бекхайм терзаются ревностью	7
Глава вторая, в которой дневное представление в театре «Эксельсиор» оказывается несколько пикантнее, чем надеялись зрители, а Эдди Пирса ожидает жестокое разочарование	37
Глава третья, в которой Оливия Адамсон обзаводится жильём на Аберкорн-плейс и получает письмо	70
Глава четвёртая, в которой Оливия Адамсон прибывает в пансион на Камберуэлл-Гроув и получает от брата предложение, которое ей категорически не нравится	79
Глава пятая, в которой Оливия Адамсон сводит знакомство с почтенной мисс Дженни, постигает изнанку магических иллюзий и узнаёт много интересного о Люсиль Бирнбаум	100
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Шарлотта Брандиш

Мюзик-холл на Гроув-Лейн

Многодневный морской переход из Шанхая завершился с полным успехом, и 26 июля 1935 года Корабль Его Величества «Саффолк», оснащённый четырьмя паровыми турбинами, бросил якорь в гавани Портсмута. Мешкать не стали, и разгрузка началась немедленно.

Вместительные сундуки, обитые стальными листами, спешно выносили из трюма и бережно, со всеми предосторожностями, ставили на палубу крейсера таким образом, чтобы они образовывали аккуратные ряды с узкими проходами. Всего их было девяносто три, каждый сундук был заперт на внушительного вида замок, и на всех без исключения можно было заметить красные ленты, испещрённые иероглифами.

За разгрузкой пристально наблюдал сухопарый джентльмен в пенсне и стёганом суконом пальто, слишком тёплом для этого времени года, но отлично защищающем своего владельца от порывов сырого ветра, дующего с пролива. Когда один из матросов крейсера оступися на скользкой палубе и раздался глухой звук удара железа о дерево, джентльмен поморщился и, стремительно подойдя к виновнику, допустившему оплошность, наклонился к нему и сделал резкое замечание. Светлые глаза его за стёклышками пенсне сузи-

лись от гнева, пальцы непроизвольно сжали карандаш в кармане пальто, чуть не сломав его пополам. Выпрямившись, он натянуто улыбнулся, адресуя свою улыбку представителю китайской стороны, но тот остался невозмутим, и ни одна мышца не дрогнула на маленьком бесстрастном лице.

Пока сундуки выгружали из трюма, пока медленно сносили по трапу, наблюдающие сохраняли молчание. Ветер внезапно утих, затаился где-то высоко в оснастке корабля и теперь забавлялся тем, что заставлял полотнище флага отсюда, с палубы казавшееся размером не более носового платка, отчаянно трепетать, словно язычок пламени, сражающийся со сквозняком. Воды гавани в свете догорающего дня отливали тусклым оловом и с вкрадчивым плеском толкались в борта судна, пока ветер не сменил направление и не нагнал серые тучи, угрожающе повисшие над головой. Джентльмен в пенсне поднял воротник пальто и мысленно похвалил себя за предусмотрительность.

Разгрузка длилась до самой ночи, и всё это время портсмутская гавань была заполнена королевской охраной в штатском. Один за другим к трапу подъезжали крытые брезентом фургоны и увозили затем сундуки с бесценным грузом в направлении железной дороги. Всё шло по установленному плану, без проволочек и досадных недоразумений, и краснеть перед иностранцами не приходилось, но джентльмен в суконном пальто, а это был не кто иной, как сэр Персиваль Дэвид, директор выставки, видный учёный и страстный

коллекционер китайских марок и керамики, всё равно был взвинчен до предела и по своему обыкновению ожидал всяческих неприятностей.

Глава первая, в которой Эффи Крамбл и Имоджен Прайс предпочитают смирению месть, а Марджори Кингсли и Лавиния Бекхайм терзаются ревностью

– Да её убить за это мало, миссис Бенни! Вот честное слово, попадись она мне сейчас, я... Я просто не знаю, что бы я с ней сделала!

Эффи Крамбл, субтильная узкоплечая блондинка с остреньким подбородком и лицом простоватым, но выразительным и не лишённым своеобразной прелести, сжала миниатюрный кулачок и потрясла им перед собой. Другая рука девушки скрывалась в уродливом коконе из серого гипса и не слишком чистых бинтов.

– Ну, уж прямо. Не стоит так злобствовать, золотко, – осуждающе покачала головой миссис Бенни, передавая Эффи чашку, наполненную тёмно-рубиновым чаем и блюдце с половинкой тоста, смазанного тончайшим слоем маргарина.

Несмотря на бушевающие её чувства, Эффи красноречивым взглядом выразила недовольство крошечной порцией, и миссис Бенни, заметив это, в обычной своей манере категорично пресекла все возражения:

– Растолстеешь – не поместишься в коробку и пробкой вылетишь из номера. Да и костюмы перешивать придётся.

Эффи вздохнула, признавая её правоту, и, капитулируя, приняла блюдо с тостом. Чашку с чаем она поставила на круглый умывальный столик, который вместе с невесть как затесавшимся сюда креслом-качалкой и узкой кроватью составлял всю обстановку её тесной комнатки в пансионе на Камберуэлл-Гроув. Даже платяной шкаф сюда не влез, заняв место в коридоре, прямо напротив двери, и по утрам, чтобы одеться, приходилось ждать, когда уляжется суета и можно будет без помех достать платье и чулки.

– Но всё же, миссис Бенни, что же мне теперь делать? – губы у Эффи задрожали от обиды. – Ведь я так этого ждала, так надеялась! Как же она могла так бессовестно со мной поступить?!

Миссис Бенни, или, как её любовно прозвали в труппе «Лицедои Адамсона», Мамаша Бенни, наклонилась к ней и утешительно похлопала по колену.

– Хватит слёзы лить, – мягко посоветовала она, хотя Эффи ещё даже не приступала к полноразмерным страданиям. – Бог ей судья, этой выскочке. Она своё ещё получит, вот увидишь. Тут надо как можно быстрее связаться с этим мистером, что тебе ангажемент обещал, и без обиняков ему сказать, что так, мол, и так, произошло недоразумение, и на выступлении он видел другую актрису.

– Я уже!

Тут Эффи, не вняв доброму совету старшей подруги, мгновенно залилась слезами. С ошеломляющей быстротой, больше похожей на какой-то ловкий трюк, слезинки покатались по её подвижному личику, закапали на воротник халата из шерстяной фланели, на тонкий, почти прозрачный ломтик хлеба.

– Я уже, уже позвонила ему! Сразу же, как всё узнала! И он... – она всхлипнула, стиснула воротник здоровой рукой, судорожно вздохнула и продолжила: – И он мне сказал, что её уже утвердили! Им, оказывается, непременно нужна брюнетка! И ещё он сказал, что других ролей для меня у них нету! Вы и не представляете, миссис Бенни, какой это был ужасный разговор! – Эффи закатила глаза к потолку. – Ну просто суший кошмар! Со мной никто никогда не говорил в подобном тоне. Он обращался ко мне: «Голуба моя!» Представляете? Ума не приложу, что ему наговорила про меня эта...

– ...Ну-ну, золотко, не будем сквернословить, – миссис Бенни, в прошлой жизни много лет простоявшая за стойкой паба, принадлежавшего её мужу, ныне покойному, не терпела бранных слов в своём присутствии.

– Да я так зла, миссис Бенни, так зла, что меня всю буквально трясёт. Или это от холода? – Эффи прижала ладонь к щеке и вскрикнула: – Ну конечно! Я так продрогла, что у меня руки как ледышки!

Она бросила быстрый изучающий взгляд на свою гостью,

а затем решительно достала из сумочки плоскую фляжку в потёртом замшевом чехле.

– Мне просто необходимо согреться, – пояснила она, подливая немного бренди в свою чашку с чаем, – а то не хватало ещё слечь, как два года назад. Не желаете ли капельку, миссис Бенни? – и она протянула фляжку гостье.

Та покачала головой, отказываясь, и, сделав большой глоток чая, поинтересовалась:

– Ты, золотко, лучше мне вот что Расскажи: кто тебе сообщил, что она обскакала тебя с ролью?

От возмущения слёзы Эффи высохли так же стремительно, как и появились.

– Она, миссис Бенни, она же сама мне и сказала! И уж вся светилась от восторга, ярче, чем гирлянды на Трафальгар-сквер в рождественскую ночь. И смотрела на меня с такой мерзкой ухмылочкой, точно ждала, когда я разрыдаюсь у неё прямо на глазах! Вы, миссис Бенни, непременно подумаете обо мне дурно, да только я уже решила, что сделаю. Да, да! Я так просто этого ей не спущу! Попроюсь после вечернего представления к ней в гримёрку и вырву с корнем этот её уродливый цветок, над которым она так трясётся! Пусть он зачахнет, пусть! Это, похоже, единственное, чем она дорожит. И... и всё расскажу про неё Эдди! Он, дурачок, увидается за ней и знать не знает, какая она на самом деле гадкая. И не останавливайте меня, миссис Бенни. Я знаю, что это дурно, но она не оставила мне другого выбора, вы же ви-

дите!

Эффи вынула из пузатой дерматиновой сумочки, лежавшей рядом на подушке, носовой платок и осторожно промокнула лицо, стараясь не смахнуть остатки пудры. Торопливо опустошила чашку с чаем наполовину и переставила её на столик. Затем она бережно прикрыла повреждённую руку здоровой и, тихонько раскачиваясь, несколько минут безучастно смотрела в окно, за которым сгущались сизые сумерки. В этот час, когда весь театральный люд предавался отдыху в перерыве между дневным и вечерним выступлениями, в пансионе миссис Сиверли было на редкость спокойно, и тишину комнаты нарушал только уютный скрип кресла-качалки да едва различимый бодрый говорок радио, доносившийся из комнат хозяйки.

— А ведь это, миссис Бенни, был мой последний шанс, — вздохнула Эффи, и тон её был лишён всякого налёта театральной драматичности, которым частенько грешат актрисы.

— Ну, уж и последний, — Мамаша Бенни выпрямилась в кресле и с преувеличенной горячностью принялась убеждать Эффи, что всё у неё впереди, и сценическая карьера дело такое — сегодня пусто, а завтра густо, и что в Театре Флоссомы не раз ещё о ней вспомнят, и что подлинный талант всегда найдёт свою дорогу к зрителю, и множество подобной этому жизнеутверждающей чепухи, в которую обе женщины на самом деле никогда не верили, но одна считала своим долгом всё это говорить, а другая слушать.

Когда Мамаша Бенни – чуть более пышная, чем следовало, и чуть более смуглая, чем можно было ожидать от уроженки графства Монмут – закончила свою полную оптимизма речь, Эффи порывисто сжала её тёплую ладонь:

– Миссис Бенни, погадайте мне! – попросила она.

Та, не отнекиваясь, поставила свою чашку на столик, с готовностью вынула колоду из кармана и, придвинувшись вплотную к кровати, принялась раскладывать карты. Первым на пёстром лоскутном покрывале появился юноша в колпаке с колокольчиками и с котомкой за спиной. Справа от него легла карта, изображавшая руку, сжимающую посох, слева – карта с тремя танцующими девами, поднимающими золотые кубки. Нахмурившись, гадалка добавила в расклад ещё одну. Сверху, над улыбчивым юношей, она выложила карту, изображавшую лежащее на земле тело, пронзённое девятью мечами. Губы её сжались в тонкую линию, и она неодобрительно покачала головой.

– Что там, миссис Бенни? – Эффи не скрывала тревоги. – Что-нибудь нехорошее?

Та быстрым движением руки перемешала карты и вернула их в колоду.

– Чепуха какая-то получилась. Что-то я сегодня не в форме, ты уж, золотко, прости.

Раздался дробный стук, дверь распахнулась и на пороге, освещённая тусклым светом коридорных ламп, появилась миниатюрная девушка с охапкой нарядных платьев на ве-

шалках.

— Та-дам! — она приложила одно из них к себе, крутанулась на месте и ликующе заявила: — Эффи, милочка, ты только посмотри, какой сюрприз нам приготовил мистер Пропп! Уверена, ты будешь в восторге!

Не услышав радостных восклицаний в ответ, Имоджен Прайс внимательно оглядела расстроенные лица коллег по театральной труппе. Её улыбка погасла, она решительно прошла в комнату и бросила сценические костюмы на кровать, не заботясь о том, что они могут помяться.

— Ну, рассказывайте, что эта гадкая особа ещё натворила?

* * *

В гримёрку, освещённую лишь парой светильников с плафонами из зеленоватого помутневшего стекла, вошёл высокий представительный джентльмен во фраке, цилиндре и белоснежных перчатках. Он прикрыл за собой дверь, аккуратно и неторопливо снял перчатки и уложил их в коробку, стоявшую на гримёрном столике, в которой находились несколько запасных пар, обёрнутых замшевой бумагой. Закинул руки за спину, повозился неловко, расстёгивая пуговицы, которые почему-то находились не на подобающем им месте, и, не без труда сняв фрак, повесил его на безголовый манекен, бережно расправив фалды и щелчком сбив с плеча невидимую соринку.

Под фраком обнаружили белоснежный жилет и батистовая рубашка несколько меньшего размера, чем это принято у джентльменов, предпочитающих выглядеть по старомодному изысканно, и чёрные прямые брюки, которые по-хорошему давно было пора расставить в поясе. Джентльмен отцепил пышную манишку, перепачканную гримом, и бросил её в корзину, затем снял цилиндр и, когда удерживаемые им золотисто-каштановые волосы рассыпались по его плечам, преобразование завершилось.

Напротив зеркала, привычно избегая смотреть на своё отражение, стояла молодая девушка, очень широкоплечая, с крупными руками и резкими чертами лица, впрочем, не лишёнными некоторой привлекательности. Она не была красива и прекрасно знала об этом, давно смирившись со своим внешним обликом. Природа отказала ей даже в той милливидности, что зачастую свойственна юности, но вот глаза её – широко распахнутые, тёмно-серые, как лондонское небо в ноябре, опушённые такими густыми и длинными ресницами, что те казались данью ухищрениям опытного гримёра, были по-настоящему хороши. Глаза и, пожалуй, волосы – пышные, сияющие приглушённым мягким блеском в свете настенных ламп.

Кто-то пробежал по коридору, послышались весёлые восклицания. Она встряхнулась, быстро сняла остатки сценического костюма, оставшись лишь в одной шелковой сорочке со следами аккуратной штопки, и принялась торопливо сни-

мать грим. Стерев остатки кольдкрема, припудрила лицо и распахнула шкаф, где висели несколько платьев. Поколебавшись, выбрала самое нарядное – лиловое, скрадывавшее её крупную, лишённую волнующих изгибов, фигуру, – и торопливо натянула его. Ловко застегнула мелкие пуговики на груди, причесалась, старательно взбивая над широким выпуклым лбом примятую цилиндром чёлку.

Из сундучка, задвинутого в самый уголок шкафа, она вынула роскошную коробку шоколадных конфет, крест-накрест перевязанную золотистой муаровой лентой. Немного постояла с коробкой в руках, с задумчивой нежностью проводя пальцами по гладкому картону, а потом одёрнула воротничок платья и отправилась на поиски того, кому предназначался сладкий дар.

В коридоре было пусто, и она, никем не замеченная, тайком поднялась по неприметной лестнице на следующий этаж, где располагались гримёрные актёров.

Напротив зелёной двери с плоским жестяным номерком она остановилась, старательно выравнивая участвовавшее от волнения дыхание, быстрым движением поправила волосы и деликатно постучала.

Дверь открыл молодой человек весьма приятной наружности. Его светлые волнистые волосы обрамляли мужественное лицо с выпуклым подбородком; широко посаженные, чуть навывкате, ярко-голубые глаза взирали на мир с детским простодушием и с великолепной, внушающей зависть уве-

ренностью в себе, которая больше свойственна представителям высшего класса, а не актёру странствующей труппы. Сейчас, когда до его выхода на сцену оставалось не более четверти часа, он был одет в безупречно сидевшие белоснежные брюки и короткий светлый пиджак, и этот сценический костюм лишь подчёркивал его изящную, но вместе с тем атлетичную фигуру.

– О, Эдди, я всего лишь на минуточку! Не хочу тебя отвлекать перед выступлением...

– Лучше войди, Марджори, – он неохотно отошёл в сторону, освобождая проход, и, хотя голос его был преувеличенно бодрым, радости в нём не слышалось.

Девушка на секунду замерла, не отводя взгляда от лица молодого человека, а после неловким движением вынула из-за спины коробку с конфетами и протянула её, шагнув вперёд. Она улыбалась, но на душе скребли кошки, и шею отдавало жаром, как если бы она чересчур близко подошла к пылающему камину.

Эдди сделал шаг назад, потом ещё один. На его лицо набежала тень, и видеть это Марджори было невыносимо.

– Я просто подумала, мне одной она ни к чему, а мы могли бы как-нибудь вместе выпить чаю и поболтать, – заговорила она торопливо и весело, стараясь быть естественной и не выдать, как больно её ранит его холодность.

– Тебе не следовало... – с усталой досадой произнёс Эдди, проводя ладонью по волосам, отчего на гладкий лоб упала

волнистая прядь.

Такими волнистыми бывают волосы после морской воды, после того, как солнце высушит их, сделав жёсткими от соли, а ветер наполнит ароматом водорослей и неуловимого счастья. Взгляд Марджори остановился на руке Эдди Пирса – на широкой ладони с длинными пальцами и перламутровыми, как изнанка морской ракушки, чистыми округлыми ногтями.

– Марджори, я ведь тебя уже просил об этом. Незачем ставить и себя, и меня в глупое положение, – в тоне его появилась жёсткость, будто его слова тоже побывали в морской воде и высохли на ветру, как льняные салфетки, измятые после пикника.

Он так и стоял в отдалении от неё, не принимая подарок из протянутых к нему рук, и ей не оставалось ничего иного, как положить коробку на гримёрный столик. После этого говорить больше было не о чем, и надо было уходить, но она не удержалась.

– Это всё из-за неё, да? Из-за Люсиль? Из-за неё ты больше не хочешь быть мне другом?

– Что за глупости, Марджори. Мы по-прежнему друзья с тобой. Просто я не хочу, чтобы ты выдумывала себе всякую чепуху, – он, наконец, высказал то, что давно собирался, и это освободило его и сделало жестоким. – Пойми, я о тебе же забочусь, и потому не хочу, чтобы ты выставляла себя на посмешище.

В дверь постучали. Джонни Кёртис, второй участник танцевального дуэта, заглянул в гримёрку напарника и, никак не показывая того, что заметил в ней Марджори Кингсли, флегматично предупредил:

— Арчи с Лавинией уже закончили. Нас объявят через пять минут.

Облегчение, появившееся на лице Эдди, сказалось Марджори больше, чем все его недавние слова, и она быстро выбежала из его гримёрной, стараясь сжаться в своём крупном теле и никого не задеть.

Он отвергал её уже не в первый раз. На прошлой неделе, после дневного представления, она специально попала к нему на пути – предложила вместе пройтись, выпить по чашке чая в закусочной, поболтать о том о сём. Она была так же весела и беспечна, как те девушки, что стайками порхали по оживлённой Денмарк-хилл, задорно стуча каблучками, и на ней была надета новая шляпка, которая очень ей шла и стояла в два раза больше, чем она могла себе позволить.

Но чуда не случилось. Эдди отклонил её приглашение и разговаривал с ней сухо и бесстрастно, хуже, чем со случайной знакомой. Пока они говорили, его ротанговая тросточка выбивала по асфальту нетерпеливое стаккато, а глаза смотрели куда угодно, но только не на неё.

Она тогда забежала в первый попавшийся кинозал, в его спасительную темноту, и сидела там до самого окончания ленты, бездумно наблюдая, как зеленоглазая красотка с ка-

призным гуттаперчевым личиком льёт глицериновые слёзы, и на какое-то время ей стало легче. Но после того как титры побежали по экрану и немногочисленные зрители принялись выбираться со своих мест, преодолевая препятствия в виде кресел так, словно шли по колено в воде, воспоминания недавнего позора вновь заставили её корчиться от жгучего стыда.

Вот и сейчас она шла по коридору, ничего не видя от выступивших слёз, и в очередной раз давала себе зарок навсегда забыть, выжечь в памяти тот летний день на побережье, когда лазурная морская гладь и опрокинутая синь небес внушили ей надежду на счастье.

* * *

Просторная, с той же высотой потолка, что и в вестибюле, и с такими же великолепными висячими люстрами, льющими яркий свет, многократно умножаемый зеркалами, костюмерная в театре «Эксельсиор» была царством Гумберта Проппа, где он безраздельно властвовал над платьями, фраками, смокингами, костюмами и шляпками. Вся эта деликатнейшая роскошь, хоть и являлась формально собственностью антрепренёра, на самом деле принадлежала ему и подчинялась лишь его умелым рукам.

Подобно главнокомандующему, каждое утро он проводил смотр своего шуршащего, пенящегося кружевами и сияю-

щего шелковыми лацканами войска, расположенного на бесчисленных манекенах, стоявших вдоль стен, обитых плюшем. Ни одна мелкая пуговка, повисшая на нитке, или же кусочек оторвавшейся тесьмы не смели нарушить безупречное великолепие сценических костюмов, а если это и случалось по небрежности актёра или актрисы, две ловкие приходящие горничные, без устали утюжа, отпаривая и подшивая детали туалетов, нуждающихся в починке, возвращали нарядам тот лоск, которого они заслуживали. И только в самом углу, подальше от любопытных глаз, на передвижной конструкции с колёсиками располагались костюмы, работу над которыми Гумберт Пропп никогда не доверял чужим рукам.

Вечернее представление завершилось, но, несмотря на поздний час, он, бережно поддёрнув брючины на тощих ногах, стоял на коленях перед манекеном, облачённым в пышное платье из нежно-розовой, леденцового оттенка тафты.

Вооружившись подушечкой с иголками, хмурая высокий лоб с глубокими залысинами и вполголоса мурлыкая себе под нос бравурную песенку, Гумберт Пропп так и этак закалывал материю, всякий раз оставаясь недовольным результатом.

От работы его отвлекли торопливый перестук каблучков и звонкий голос, выпевающий заключительный куплет моряцкой песенки, которой всякий раз оканчивалось субботнее выступление:

И в штиль, и в самый ужасный шторм,
Я лишь одного хочу,
Увидеть тебя ещё разок, милая,
А об остальном промолчу!

Мисс Имоджен Прайс танцующей походкой пересекла костюмерную и, выдвинув на середину комнаты плетёное кресло, демонстративно упала в него, откинувшись на спинку и вытянув перед собой стройные ноги в узких коротких брючках, составляющих вместе с тельняшкой в талию и фуражкой с низким козырьком премилый ансамбль, наводящий на мысли о безмятежных морских прогулках. Фуражку она тотчас сняла и небрежно бросила на стол для раскроя тканей, отчего стала ещё больше похожа на расшалившегося юнгу, украдкой хлебнувшего рома.

Пригладив медового цвета локоны, она взглянула в зеркало и капризно пожаловалась манекену в смокинге, шутливо подёргав его за рукав:

– Терпеть не могу эту фуражку, слышите? Всякий раз, когда её снимаю, я похожа на страшилище. И следы на лбу остаются. Гумби, вы должны, вы просто обязаны с ней что-то сделать! Этот околыш, он слишком узкий для моей огромной головы. Не понимаю, зачем вообще нужна эта штука, ведь даже распоследнему болвану в зале ясно, что мы с этой гадкой Люсиль Бирнбаум – девушки.

Гумберт Пропп, обычно молчаливый, в присутствии мисс Прайс оживился и, пока она с недовольной гримаской раз-

глядывала себя в зеркале, принялся уверять девушку, что нет, голова у неё ну просто истинный образец идеальных пропорций, и да, с фуражкой он непременно сделает что-нибудь такое, что обуздает её зловредный нрав.

Неловкие, но, вне всяких сомнений, искренние комплименты слегка успокоили мисс Прайс, и она сооблаговолила поинтересоваться, чем же таким секретным занят костюмер труппы в столь поздний час, когда большинство актёров и актрис спешат в пансион в надежде получить сытный ужин и чашку чая или сидят в пабе за углом, согреваясь стаканчиком горячительного. Вместо ответа он показал ей свою работу, выдвинув манекен с платьем, и на лице его появилось горделивое выражение, ведь нежно-розовое облако рюшей и оборок предназначалось, конечно же, для мисс Прайс и номера, в котором она изображала нарядную куклу, покидавшую картонную коробку и принимавшуюся петь и танцевать под светом волшебного фонаря.

– Я тут подумал, мисс Прайс... То платье, в котором вы выступаете сейчас, не слишком-то годится для вас. Светло-зелёный – опасный цвет, в лучах софитов он придаёт лицу желтизну, а у меня как раз имелись четыре ярда превосходной розовой тафты...

– Ох, мистер Пропп, я просто с ног валяюсь, – прервала она его, вновь откидываясь на спинку кресла. – Кажется, что больше не смогу сделать ни шагу. Эта противная Люсиль танцует из рук вон плохо, а поёт ещё хуже, и мне приходит-

ся отрабатывать за двоих. Угораздило же недотёпу Эффи отправиться за жареными каштанами и сломать руку. Как будто ей неизвестно, что возле колонки мальчишки устроили настоящий каток! И когда?! В самом начале сезона! Девочки тоже жалуются на Люсиль, и неудивительно. До чего же она подлая! Сегодня, например, кто-то из зрителей бросил на сцену плюшевого зайца, так она подхватила его и утащила в свою гримёрку! А вчера, когда я отправляла на почте посылку... – Имоджен вдруг осеклась, как если бы сказала больше, чем намеревалась, и, не вдаваясь в подробности, продолжила: – В общем, она следила за мной самым гнусным образом, мистер Пропп. Представляете?

Гумберт Пропп немедленно выразил своё неодобрение, но девушке было этого мало. Она долго перечисляла прегрешения напарницы по номеру и завершила обвинительную речь тем, что звонко хлопнула ладошкой по подлокотнику кресла:

– Решено! Давно пора избавиться от неё! И не смотрите на меня так осуждающе, мистер Пропп! Вы в труппе без году неделя, а я в ней уже четыре года. А кое-кто, например, Мамаша Бенни, Румяные Щёчки или Бродяга вообще страшно сказать сколько лет. За эти годы мы все привыкли выручать друг друга и стали настоящей дружной семьёй, но даже одна такая гадюка, как Люсиль Бирнбаум, может всё испортить. Я уже видела подобное и не раз. Взять, например, труппу Бернштейна, – Имоджен наклонилась к собеседнику

и заговорщически понизила голос: – Одна девушка у них тяжело травмировалась, упав с декораций, и заменить её взялась племянница антрепренёра, – мисс Прайс сделала многозначительную паузу, хотя ничего особенно зловещего пока сказано не было, и, когда пауза раскалилась как кочерга в огне и держать её дольше стало невозможно, прошептала: – Так они же там все перессорились, мистер Пропп! Все до единого! Труппа распалась, Бернштейн разорился, актрисы спешно повыскакивали замуж, а актёры разбрелись кто куда. Счастливчика Феликса, говорят, видели в одном из варьете Вест-Энда, но этот всегда умел устраиваться, а про остальных никто и никогда больше ничего не слышал. Вот так-то!

– Но ведь нам это не грозит. Никто из нас не собирается ссориться, – примирительно сказал Гумберт Пропп, считавший свои долгом успокоить мисс Прайс, которая не на шутку разошлась.

– Ха! Скоро начнём, вот увидите, – мрачно пообещала Имоджен, с досадой подумав: «Какой-то он всё-таки слабохарактерный, честное слово! Другой бы на его месте сам уже что-нибудь предложил, а этот смотрит на меня, как на рожок с мороженым, которое вот-вот растает». – Если так и будем бездействовать, то непременно всё перессоримся, – усилила она натиск.

Под суровым выжидающим взглядом мисс Прайс Гумберт Пропп почувствовал себя неудобно. В прошлом, в жизни до театра, он был владельцем магазина готового платья

для джентльменов, который достался ему от отца, и участие в закулисных интригах было ему в новинку.

Момент был поистине щекотливый. В конце концов, мисс Прайс пришла за помощью именно к нему, и он не смел обмануть её доверие. Опять же, собственные принципы не позволяли ему действовать во вред другой девушке, пусть даже она и демонстрировала ужасные манеры и успела завести в театре немало врагов.

Однако мисс Прайс ждала его решения. Он долго пригласивал жидкие волосы цвета грязного песка, поджимал тонкие бледные губы под редкой щёткой усов, потом откашливался, чтобы выиграть немного времени, и, наконец, после долгой паузы неуверенно предложил:

– Ну... если я чем-нибудь могу помочь... В самом деле, это ведь так не по-товарищески...

И Имоджен Прайс, захлопав в ладоши, возликовала:

– Я знала, мистер Пропп, знала, что вы непременно что-нибудь придумаете! Вы ведь такой умный и так много всего умеете! Как же хорошо, что я обратилась именно к вам!

Она одарила его восхищённым взглядом, и он сразу же ощутил, как в груди разливается тепло и его словно окутывает облаком блаженства. В самом деле, стоит ли придавать так много значения беззлобной шутливой проделке? Ведь ни на что по-настоящему дурное Имоджен не способна, он был в этом абсолютно убеждён.

Рафаилу Смиту, довольно известному в театральных кругах иллюзионисту, которого в труппе прозвали Бродягой, с недавних пор были ненавистны фотографические карточки. И они сами, и те, кто был на них изображён, казались ему одной великой ложью. В своё время он избавился почти от всех немногочисленных свидетельств прошлой жизни, которая оборвалась для него с известием о гибели горячо любимой жены, полученным спустя три недели после её похорон. Во время Великой войны, в те месяцы, когда шли самые ожесточённые бои, бывали ещё и не такие задержки корреспонденции.

Когда он вернулся в родные края, то нашёл дом, в котором они оба были когда-то счастливы, пустым и холодным. В очаге громоздилась горка саж и пепла, рядом валялся стул с отломанной спинкой. Кто-то оставил дверь чёрного хода открытой, и в кухне на полу намело снежный сугроб. Бродячая кошка устроила на его кресле лежбище и разместилась там с клубком новорождённых котят, угрожающе шипя всякий раз, как он подходил к ней ближе, чем на три фута. Котята бестолково копошились возле её тощего живота. Что она ест, подумалось ему. Здесь же нет ничего. Ничего, кроме саж и пепла. Дом был так безжизнен, что, казалось, в нём не было даже мышей.

Он тогда поднялся на второй этаж, в спальню, где стояла кровать под пологом, расшитым васильками. Постоял перед ней, потом подошёл к комоду и стал методично вынимать из рамок фотографии. Отнёс их вниз и бросил в камин, а после долго трясущимися руками не мог разжечь огонь. Кошка прекратила шипеть и наблюдала за ним с усталым любопытством. Когда наконец пламя принялось жадно облизывать угощение, он, не выдержав, выхватил из стопки одну фотокарточку, пальцами притушил искры, поедающие верхний край, – и все эти годы, неважно, каким испытаниям подвергался он сам, и куда швыряла его жизнь, – он бережно хранил изображение единственной женщины, которую любил.

Фотограф запечатлел новобрачную на качелях – такую юную, беспечную, хохочущую, – что сердце вдруг болезненно заныло, как принимаются ныть замёрзшие пальцы, когда попадаешь в тепло. Развевающиеся ленты, надувшийся колоколом подол лёгкого платья и раскинутые в стороны руки, точно она хотела сжать в объятиях и его, и весь мир в придачу – ни он, ни она и представить себе не могли, какое будущее их ждёт.

Рафаил Смит, как и тогда, много лет назад, вынул фотографию из простой деревянной рамки, и теперь держал снимок в руках, глядя не на изображение юной беспечной девушки, а поверх него, в зеркало, в котором отражалась другая женщина, много старше и красивее той, что сгинула в

жадной пасти времени.

— Ну же, ни к чему медлить, — с повелительной нежностью произнесла она, поправляя шляпку и находя в зеркале отражение глаз старого фокусника. — Ушедших не вернёшь, так ведь? Ты и сам знаешь, как важно уметь прощаться с прошлым. Прощаться и прощать. Без этого нет жизни, нет будущего.

Она подошла ближе, положила руки ему на плечи. Тепло её ладоней придало ему сил. Сдерживая обещание, он разорвал фотографию сначала на четыре части, а потом каждую четверть ещё надвое. Посидел, глядя на кучку мусора, в которую превратилось его прошлое. В какой-то момент пришла ярость: захотелось скинуть женские руки со своих плеч, сжать пальцы с тёмными от лака ногтями так, чтобы увидеть на прекрасном распутном лице замешательство и страх.

Будто ощутив перемену в нём, она отступила на несколько шагов. Вынула из сумочки помаду, выкрутила яркий конус и мазнула им по губам. Подхватила из груды обрывков клочок фотографии и приложила к губам обратной стороной, снимая лишнюю краску. Бросила его в мусорную корзину, со снисходительной лаской взглянула на Рафаила Смита, улыбнулась и вышла, победно стуча каблуками, оставив его размышлять о самом главном иллюзионисте этого мира — о времени и о его бесстыжих фокусах.

Рафаил Смит только закурил трубку, набитую дешёвым скверным табаком, какой предпочитают лишь отставные моряки чином не выше боцмана и уличный народ, ночующий на грязных улочках Бетнал-Грин, когда в дверь его гримёрки постучали. Не испытывая желания в этот момент говорить с кем бы то ни было, он всё равно сварливо крикнул: «Войдите!» – молясь про себя, чтобы это не оказался Филипп Адамсон, которому опять спешно потребовалась помощь в решении одного из многочисленных организационных вопросов.

Его молитвы были услышаны, однако альтернатива вовсе его не обрадовала. В гримёрную вошла женщина средних лет, одетая с пышной старомодной изысканностью. Глядя на неё, можно было вообразить, что эдвардианская эпоха в самом начале своего расцвета, и не далее как вчера Лондон от Тауэра до Ламбета пересекло траурное шествие, провожающее Викторию в последний путь.

– Лавиния, дорогая, что стряслось? Я и не думал, что здесь кто-то остался, – он ловким движением натренированных пальцев незаметно смахнул клочки разорванной фотографии в мусорную корзину, стоявшую под столиком. Теперь они лежали там вперемешку с табачным пеплом, и в его голове всплыли строчки: «...пепел к пеплу, прах к праху...»

– Ох, я и правда что-то припозднилась сегодня, – Лави-

ния Бекхайм жеманно улыбнулась и, не снимая пальто, присела на краешек кресла, не слишком достоверно изображая непринуждённость.

Смиту было совершенно ясно, что она только что прибежала из пансиона, в котором проживала вся труппа «Лицеев Адамсона». Также он отлично знал, что именно ей от него требуется, но из дружеских чувств не спешил, дожидаясь, когда она сама задаст волновавший её вопрос.

Сначала Лавиния Бекхайм, которую в труппе за глаза прозвали мисс Румяные Щёчки, неспешно и крайне обстоятельно рассказала Смиту пару старых, уже потерявших свежесть сплетен, и он сделал вид, что слышит их впервые. Она никогда не переходила к сути вопроса сразу, и, хоть и досадуя на эту её особенность, он не менее четверти часа притворялся, что с интересом её слушает.

К счастью, вскоре запас пустячных тем иссяк. Гостья, притворившись, что эта идея только что пришла ей в голову, прекратила терзать пышный бант шелковой блузы, украшавший её грудь, ненатурально оживилась и воскликнула:

– А что если нам, мистер Смит, зайти за Арчи и всем вместе отправиться в одно из этих уютных местечек, куда остальные ходят по субботам? Как думаете? По-моему, это отличная идея! Нет, правда, мы каждый день развлекаем публику, почему бы нам и самим не развлечься немного? – и она изобразила руками в воздухе нечто, что должно было означать бурное веселье.

Вот оно, наконец-то. Смит украдкой вздохнул. Чтобы не смотреть на неё в этот момент, он принялся выбивать трубку в огромную морскую ракушку, служившую ему пепельницей.

– Арчи давно ушёл, Лавиния. Сразу после вашего с ним выступления.

– Ну надо же! – Лавиния Бекхайм всплеснула руками, продолжая спектакль. – А я была уверена, что он всё ещё в театре. И куда это он отправился? Верно, сыграть партию-другую в бильярд с этими молодыми щёголями, Эдвардом и Джоном, – и она вновь принялась теревать бант, сохраняя на лице игривую безмятежность.

Пальцы её то сматывали в трубочку, то разматывали один из шелковых кончиков банта, и отчего-то смотреть на это было неприятно.

– Не знаю, Лавиния. Может статься, что и так. Ты ведь знаешь Арчи не первый год, – он отвечал ей бесстрастно, чтобы она не искала в его словах потайной смысл.

– А Люсиль? Она ещё здесь? В пансионе её нет, – проговорила она, не в силах сдержаться.

– Возможно, она ещё здесь, – уклончиво выразился мистер Смит, не желая давать однозначный ответ.

Тотчас руки её опустились на колени и замерли там. Голову с высокой причёской по моде начала века она запрокинула как можно дальше, видимо, чтобы слёзы не вздумали прочертить по напудренным щекам позорные дорожки.

Голосом глухим от сдерживаемых чувств и оттого, что её голова была запрокинута, как на приёме у дантиста, она неуместно восхитилась:

— Ты только посмотри, какие здесь высокие потолки! Ну просто настоящая роскошь! Как вспомнишь, где ещё недавно мы все ютились, так просто мороз по коже. Я, Лавиния Бекхайм, вынуждена была пригибаться всякий раз, когда входила в общую гримёрную, в эту убогую клетушку. А теперь у каждого есть собственная, и места хоть отбавляй. Всё-таки, кто бы что ни говорил, а мистер Адамсон буквально спас нашу труппу.

Минута слабости прошла, она села как подобает и гордо вскинула голову. Рафаил Смит криво улыбнулся в ответ, постаравшись, чтобы сочувствие, которое он испытывал к ней, не слишком бросалось в глаза.

Было заметно, что уходить ей не хотелось. Лавиния Бекхайм ещё разок прошлась по гримёрной, рассматривая её обстановку так, как если бы находилась тут впервые, и уделив особое внимание искусно вышитому гобелену, украшавшему стену напротив солидного дубового шкафа, где хранился реквизит. На гобелене был изображён трёхголовый Цербер, стерегущий врата в царство Аида, и она тихонько пропела старую песенку, копируя наивную манеру прошлых лет:

...Волшебный шлем Аида
На голову надень,

И даже Артемида
Не попадёт в мишень...

Всё это время Рафаил Смит молчал, удерживая на лице вежливую улыбку. Наконец, украдкой вздохнув, Лавиния Бекхайм набросила на плечи пальто и взяла в руки сумочку. Уже подготовившись уходить, она вдруг приглушённо вскрикнула, округлив глаза. Иллюзионист вздрогнул и проследил за её взглядом. Он был устремлён на его гримёрный столик, где валялась пустая деревянная рамка, окружённая мелкими клочками разорванной фотографии, и забытый, или же, наоборот, оставленный с умыслом, золочёный футляр с помадой.

– Боже мой, Рафаил, – голос Лавинии задрожал, – как же это? Вы же так ею дорожили! Значит, и вы поддались чарам Люсиль? И вы причислили себя к её многочисленным поклонникам, готовым на всё ради её расположения?

Не дождавшись ответа, она повернулась и выбежала из гримёрки. Комкая найденный в кармане пальто носовой платок, она спешно пересекла галерею и, неловко ступая по скользким мраморным ступеням парадной лестницы, спустилась в вестибюль. Там она постояла с минуту, приходя в себя и вытирая горячие слёзы. Её рука с платком мелко дрожала. За спиной послышался шорох – она обернулась, но старинный друг не последовал за ней, глупо было и ждать, что он поспешит с утешениями. «Нет утешения в мире, слё-

зы и тлен лишь вокруг», – вспомнились ей слова из оперетки, партию в которой она исполняла когда-то. В те времена голос её ещё обладал притягательной силой, а сама она была так молода, что слова эти казались ей бессмысленными и никакого отклика в душе не находили. Лучшие годы промелькнули с той же стремительностью, с какой равнодушный ветер пролистывает страницы распахнутой книги. Дуновение, шелест – и вот уже солнце юности, ещё недавно такое щедрое, гаснет, оставляя печаль по безвозвратно ушедшей радости.

На Гроув-Лейн её встретил колючий ноябрьский дождь, и всю дорогу до пансиона она дрожала в его объятьях. Лёгкое пальто было плохим защитником от непогоды, и она так продрогла, что, войдя в свою комнату на третьем этаже, под самой крышей, тут же сбросила его и закуталась в одеяло.

Долго ходила по узкой комнате, не обращая внимания на скрип половиц, потом, погасив лампу, караулила у окна, из которого было видно полукруглое крыльцо у парадной двери. Свет фонаря превращал его в подобие сцены, и она недолго оставалась пустой.

Сначала послышался приглушённый смех, потом на ступеньках появились импозантный джентльмен с тростью и стройная, очень красивая женщина из тех счастливиц, чей истинный возраст определить невозможно, как ни пытайся. Модная шляпка лишь подчёркивала необычные черты лица – полные губы, лоснящиеся от помады, высокие скулы, большие, широко расставленные глаза с приподнятыми

вверх уголками. Её плечи и шею от промозглого ветра прикрывал серебристый мех: тонкие лисьи лапки печально свисали на одну сторону, с другой болталась безглазая плоская мордочка с прижатыми ушами. Люсиль Бирнбаум держала в руках букетик поникших на ледяном ветру гортензий и улыбалась загадочно и нагло.

Словно догадываясь, что за ними наблюдают, она приподнялась на цыпочки, потянулась к самому уху джентльмена и сказала что-то такое, от чего он расхохотался, запрокинув голову. От этой сцены Лавинию Бекхайм бросило в жар. Пламя обиды выжгло остатки гордости, и она чуть не кинулась прочь из комнаты, надеясь застать их внизу, в холле, чтобы заглянуть в глаза негодяю Арчи, вопреки всем обещаниям, вновь обманувшим её.

Уже взявшись за дверную ручку, она отдернула ладонь. Благоразумие одержало победу над чувствами. Лавиния Бекхайм вспомнила слова своей наставницы, сказанные той много лет назад и по совершенно иному поводу, однако сейчас они как нельзя лучше остудили её гнев. «Запомните, девочки, истинная леди никогда, никогда не выставляет себя на посмешище. Всегда есть способ добиться своего, сохранив достоинство», – говорила мисс Тирли, обводя внимательным взглядом юных воспитанниц.

К сожалению, эта поучительная сентенция недолго служила ей утешением. Она разделась, не зажигая света, потом ещё долго вытаскивала многочисленные шпильки из причёски,

чувствуя, как вся покрывается гусиной кожей, и улеглась в постель, всем телом ощущая ледяной холод простыней. Сон долго не приходил к ней, но, когда она наконец скользнула в мутный плен видений, несколько слезинок всё же вырвались на свободу, торопливо пробежали по щекам и скрылись в пышном кружевном воротничке ночной сорочки.

А вот Эффи Крамбл в эту ночь спала сном младенца. Ей не понадобилась даже бутыл с горячей водой, которую она каждый вечер демонстративно требовала у горничной в надежде пристыдить хозяйку пансиона, экономившую на отоплении. То, что она совершила, прокравшись в гримёрку Люсиль Бирнбаум после того, как все покинули театр, согрело её так, как не согревали ни ежевечернее какао со щедрой порцией бренди, ни аплодисменты зрителей. Эффи подготовилась к тому, что совесть слегка её помучит, но ничего подобного – на душе, напротив, воцарилось спокойствие.

К утру уродливый цветок с мерзкими болтающимися корнями, похожими на извивающихся червей, зачахнет, и Люсиль на собственной шкуре почувствует, каково это, когда лишаешься чего-то очень ценного для себя. Вообще, отмщение оказалось делом приятным и вовсе необременительным, и это открытие позабавило Эффи и в очередной раз заставило усомниться в догмах морали, вокруг которых все вечно поднимают такой шум.

Глава вторая, в которой дневное представление в театре «Эксельсиор» оказывается несколько пикантнее, чем надеялись зрители, а Эдди Пирса ожидает жестокое разочарование

На следующий день Сара Матильда Бенджамин, или Ма-маша Бенни (это прозвище пристало к ней давно и стало уже таким привычным, что порой в мыслях она и сама себя так называла) с раннего утра не могла избавиться от необъяснимого гнетущего чувства. Оно царапало сердце, как когтистая лапа голодной бродячей кошки, и могло означать лишь одно — скорые перемены.

Жизненный путь Мамаши Бенни не был безоблачным, и умение быстро ориентироваться в происходящем не раз служило ей добрую службу. Эта постоянная готовность предугадать, выхватить из воздуха нити зарождающихся событий и определила её дальнейшую судьбу после того, как тяжёлый на руку и скорый на расправу супруг тихо угас от непонятной болезни, а принадлежавший ему паб, в котором она двадцать лет кряду цедила из бочонков пиво и протирала стойку, по-

шёл с молотка в оплату счетов от докторов-шарлатанов.

Оказавшись в буквальном смысле на улице, пятидесятилетняя вдова быстро покончила с трауром и обратила природную предприимчивость себе во благо. Мадам Элоиза – под этим именем её узнали легковёрные жители Эдинбурга, которым требовалось утешение, развлечение или подсказка – всё едино! – и у которых были на это лишние шиллинги и пенсы.

Пребывая в хорошем расположении духа, мадам Элоиза обещала молодым замужним женщинам скорого прибавления в семействе, незамужним – сердечного друга или удачный брак, зрелым дамам благополучия и крепкого здоровья, джентльменам в возрасте – приращение капитала и приятное приключение, юным – рост по карьерной лестнице или выгодную женитьбу. В скверные же дни, когда на душе скребли кошки, предсказания мадам Элоизы сулили всем лишь казённые хлопоты, пустые дороги и провал всех начинаний.

Деятельность эта, осуществляемая с большим тактом и осмотрительностью, какое-то время приносила ей неплохой доход, пока в городе не объявилась заезжая знаменитость из Марселя с волшебным стеклянным шаром, в котором каждый мог узреть своё будущее (во что предприимчивая вдова, разумеется, не поверила ни на секунду), и не переманила всю постоянную клиентуру, падкую на внешний блеск и трюкачество.

Когда накопления иссякли, и стало ясно, что в Эдинбур-

ге её более ничего не ждёт, Мамаша Бенни уложила в дорожный сундучок затёртые карты, шаль с бахромой и вышитыми руническими символами и прочие немногочисленные пожитки, и примкнула к труппе странствующих артистов. Поначалу скептически отнёсшаяся к очередному витку судьбы, она неожиданно обрела и покой, и постоянный (весьма скромный, не чета прошлому) заработок, и собственное место среди людей таких же неприкаянных, как она, но во все этого не стыдившихся.

Однако годы брали своё, и вскоре постоянные разъезды и выступления летом в душных павильонах, а зимой в холодных промозглых залах стали её тяготить. Поэтому, когда одержимая большой сценой (иначе это и не назовёшь, кроме как одержимостью, сама-то Мамаша Бенни была начисто лишена актёрских амбиций) Имоджен Прайс торжествующе объявила всем членам труппы, что в этом сезоне их ждёт постоянный ангажемент и к их услугам будет целый театр в Лондоне, она встретила новый поворот событий с облегчением.

Филипп Адамсон не произвёл на неё убедительного впечатления. Простачок, каких пруд пруди, так охарактеризовала она его про себя, а простачками Мамаша Бенни называла всех, кто находился от неё по другую сторону стола и готов был выслушивать небылицы и безропотно расставаться с медяками. Что уж там наплела ему чертовка Имоджен, чем заманила – её не особенно интересовало, но вот рвение,

с каким новоявленный антрепренёр взялся за дело, изрядно её позабавило.

Подумать только, всерьёз решить, что их странствующая труппа комедиантов мало того, что станет трамплином для сценической карьеры Имоджен, так ещё и искренне надеяться составить конкуренцию ведущим лондонским мюзик-холлам! Прав был её старинный приятель Рафаил Смит, с которым они исколесили всю Англию, прав во всём – больше всего в этой жизни, едва ли не больше, чем дышать, люди хотят верить в чудо. Ну, и, конечно, надежда. Под этими двумя знамёнами и маршируют простачки от колыбели до могилы, и лишь немногим хватает ума выйти из строя и воспользоваться наивностью ближних себе во благо.

Но одно дело простачки – сытые, лоснящиеся, с тугим кошельком, и совсем другое – те, кто сидит по ту же сторону стола, что и ты. Кто делит с тобой и скромную трапезу, и изысканные яства, и солнечные дни на побережье лучших морских курортов, и осеннюю сырость, когда от зрителей и улыбки-то не дождёшься, не вывернувшись перед ними наизнанку.

Мамаша Бенни не первый год на свете жила и знала доподлинно (да и видела такое не раз): если в труппе начинаются склоки, добра не жди. Мелкие обиды и разногласия – это одно дело, куда без них, – но то, что началось в театре Адамсона с появлением Люсиль Бирнбаум, могло плохо кончиться, а начинать всё сначала и вновь отправляться в путе-

шествование, не зная, где окажешься завтра, было не по ней.

Неплохо разбираясь в людях, Мамаша Бенни сразу поняла, что увещевать новенькую вести себя поскромнее бесполезно. Люсиль точно была не из простаков, но её неоправданная дерзость симпатии отнюдь не вызывала. За своё недолгое пребывание в театре она умудрилась настроить против себя большую часть труппы, и на пользу общему делу это явно не пошло.

Выраженный актёрский темперамент Имоджен Прайс заставлял ту вспыхивать как порох всякий раз, когда Люсиль пыталась раззадорить её малопонятными намёками на некую тайну, а заноза Эффи так и вовсе зеленела как кочан салата, когда новенькая позволяла себе отпускать колкости на её счёт. Марджори Кингсли глубже и сложнее всех переживала крушение своих иллюзий, произошедшее сразу после появления в труппе Люсиль, но тот, кто не умел достойно выдерживать удары судьбы, не мог претендовать на сочувствие Мамашы Бенни.

Самые же большие опасения у неё вызывало состояние Лавинии Бекхайм, которая вот уже много лет безуспешно ждала, когда для неё и Арчибальда Баррингтона, комика в амплуа «светский лев», запоют-загудят свадебные колокола. Ни для кого не являлось секретом, что Арчи падок на молодых актрис и в бурных житейских волнах его корабль готов бросить якорь в каждой гавани, что сверкает манящими огнями. Лавинии, не желающей смотреть правде в глаза, стои-

ло больших усилий соблюдать внешнюю благопристойность и держать свои чувства в узде, но, как было хорошо известно Мамаше Бенни, порой чашу терпения способна переполнить всего лишь одна капля.

Этим утром, за завтраком, отменный по обыкновению аппетит демонстрировала только Эффи. Из мужчин никого не было – Адамсон с Рафаилом вставали рано и сразу же отправлялись на Гроув-Лейн, в театр, мистер Пропп уходил в костюмерную к восьми, а Арчи, Эдди и Джонни почти всегда пропускали завтрак, валяясь в постелях до тех пор, пока не наступало время готовиться к дневному представлению. Имоджен Прайс тоже находилась у себя, так как её утреннюю трапезу неизменно составляла лишь чашка кофе и апельсин, посыпанный корицей, которые ей приносила горничная Элис прямо в комнату.

Люсиль Бирнбаум, тщательно причёсанная, надушенная и с подкрашенными губами, набросив на плечи кашемировый кардиган цвета топлёных сливок, сидела и листала газеты отдельно от всех, у окна, за которым кружились неряшливые снежные хлопья. Она единственная из жильцов пансиона завтракала всегда долго и основательно, и сейчас перед ней на столе стояла большая тарелка, полная разнообразной снеди – яичница-глазунья, подрумяненный бекон, грибы, ломтики копчёной рыбы и треугольнички тостов, поджаренные строго с одной стороны (и нельзя сказать, что подобная требовательность так уж радовала кухарку). Лицо её ка-

залось непроницаемым, но возле рта обозначились жёсткие складки, словно она крепко-накрепко сжала зубы.

Марджори, напудренная до полного сходства с мраморной статуей (само собой, если бы кому-то пришло в голову придать изваянию её грубые черты), со вселенской печалью в коровьих глазах цедила чай и вопреки обыкновению не притрагивалась к тостам. Лавиния Бекхайм тоже выглядела так, будто бы укуса хлебнула – даже не верилось, что через несколько часов и та, и другая выйдут на сцену, и публика будет рыдать от смеха от каждого их движения, от каждой реплики, метко пущенной в зал, точно плоский камешек по воде. Это перевоплощение актёров, то, как они умудряются сбрасывать собственную шкуру и примерять на себя чужую личину, завораживало Мамашу Бенни и вызывало у неё чувство сродни суеверному трепету.

Потому-то ей и хватило одного взгляда на Эффи, чтобы всё понять. Обычно та по утрам бывала вялой и хмурой, но сегодня девушка сияла, прямо-таки вся лучилась довольством и радостью. Она исподтишка посматривала на Люсиль, и в уголках её губ трепетала шkodливая улыбка, сказавшая Мамаше Бенни всё, что ей нужно было знать.

С сожалением отвергнув предложенную горничной вторую чашку обжигающе горячего чая, Мамаша Бенни сослалась на необходимость выйти за покупками и быстро поднялась к себе. У неё было не больше получаса, чтобы предотвратить неизбежный скандал. Выходка Эффи могла иметь

далекоидущие последствия и стать первым звеном в цепи будущих раздоров, которые могли привести к провалу всей программы и возвращению к неустроенной и беспорядочной жизни странствующих артистов.

Кляня про себя безмозглую дурёху Эффи, дородная Мамаша Бенни, переваливаясь, как гусыня, и задыхаясь от быстрой ходьбы, спешила через людную в этот час дня Камберуэлл-Гроув. Она не знала, что Люсиль решительно отложила газеты и встала из-за стола, не притронувшись к завтраку, ровно в ту же минуту, когда Мамаша Бенни вышла из пансиона через чёрный ход. Тем не менее какое-то шестое чувство заставляло её не сбавлять темп до самого театра и, чуть не угодив под автобус, она вошла в здание, выиграв фору в семь с половиной минут.

В вестибюле ей повстречался Рафаил Смит. Он поприветствовал её кивком и, как это принято у старинных знакомых, не утруждая себя предисловием, начал втолковывать ей что-то про свой новый номер. С минуту Мамаша Бенни покорно слушала его, но вскоре, понимая, что это может затянуться надолго, а времени остаётся всё меньше, не слишком вежливо прервала того и направилась к лестнице, которая вела на второй этаж, где были расположены гримёрные для актрис.

Сейчас все они были пусты, и Мамаша Бенни уже было вздохнула с облегчением, как в глубине коридора показался Филипп Адамсон. Он издал приветственный возглас и поспешил ей навстречу.

– Вас-то я и искал, миссис Бенджамин, – довольно сообщил он. – Надеюсь, что вы придёте пораньше, и у нас с вами до репетиции будет минутка поболтать. Мне нужен ваш совет насчёт шатра гадалки: эскиз готов, но мистер Пропп почему-то ни в какую не хочет использовать ту материю, что вы хотели. Я постарался его переубедить, но вы же знаете, каким он бывает упрямым.

– О, мистер Адамсон, да пускай сам выберет, я не буду в обиде, – заверила его Мамаша Бенни и поспешила вперёд по коридору.

Филипп Адамсон недоумённо уставился ей в спину. Не далее как позавчера дискуссия по поводу обустройства нового шатра гадалки заняла целый вечер, и итогом её стали две противоположные и непримиримые позиции.

– Но... Миссис Бенджамин! – Филипп посмотрел на часы, но всё же решил догнать Мамашу Бенни и уладить текущие вопросы, чтобы не оставлять их на потом. – Вы должны взглянуть на эскиз! Мистер Пропп внёс в него правки, и я не уверен, что...

Мамаша Бенни резко остановилась. Когда она обернулась, то лицо её не выражало ничего, кроме подчёркнутого внимания, и только тот, кто очень хорошо её знал, понял бы, что она пребывает в сильнейшем раздражении. Филипп ожидал, что обсуждение продолжится у неё в гримёрной, но она взяла эскиз, всмотрелась в него, близоруко прищурившись, а потом быстро вернула, бодро сообщив:

– Превосходно, мистер Адамсон! То, что надо. У вас просто врождённый талант!

– Но эскиз делал не я, – запротестовал Филипп. – Мистер Пропп взял на себя смелость...

– И хорошо! – оборвала его Мамаша Бенни. – И замечательно! Я полностью доверяюсь мистеру Проппу в этом вопросе. Уверена, шатёр получится – загляденье! – и она закатила глаза в мнимом восторге. – А сейчас прошу меня извинить, мне срочно нужно... пересчитать карты Таро и отполировать шар судьбы.

С этими словами она юркнула в свою гримёрную и заперлась. Морщась от тянущей боли в спине, склонилась и припала ухом к замочной скважине. Секунду было тихо, а потом до неё донеслось мелодичное посвистывание. Она выпрямилась, крайне осторожно приоткрыла дверь и выглянула в коридор.

Филипп Адамсон стоял напротив гримёрной Имоджен Прайс. Придвинувшись вплотную к двери, он подышал на позолоченную табличку с цифрой 8, а потом долго полировал её рукавом пиджака, добиваясь блеска. Всё это время Мамаша Бенни бесшумно переминалась с ноги на ногу, обзывая его про себя идиотом и молодым ослом.

Наконец, Адамсон прекратил своё поистине дурацкое занятие, выставившее его в наиглупейшем свете, и, насвистывая, зашагал по направлению к лестнице и вскоре скрылся из виду.

Мамаша Бенни тут же выскользнула в коридор и на удивление резво для такой пышной особы добежала до гримёрки Люсиль Бирнбаум. Она осторожно потянула дверь на себя, соорудив приветливое выражение лица на случай, если всё-таки её опередили и, лишь убедившись, что комната пуста, вошла и осмотрелась.

Загубленный цветок она увидела сразу. Благодарение небесам, дурочка Эффи не расколотила вазон, а всего лишь выдернула ни в чём не повинное растение с корнем и бросила его на гримёрный столик, прямо на белоснежную фуражку от костюма юнги. Молочно-белые корешки, все в подсохшей земле, уже омертвело скукожились, листья подвяли.

Мамаша Бенни осуждающе поцокала языком. Стряхнула землю с фуражки, сгребла её со столика и высыпала в цветочный вазон. Потом, сложив пальцы лопаточкой, принялась выкапывать в подсохшей земле глубокую ямку, одновременно размельчая комки. Шершавое это ощущение зацепило со дна памяти воспоминания из детства, проведённого на ферме в Уэльсе, вытащило их на поверхность, точно ведром из колодца, но она не успела удивиться причудам человеческого разума – в гримёрную Люсиль Бирнбаум настойчиво постучали.

Мамаша Бенни так и замерла на месте. От неожиданности пальцы её сжали круглый земляной комок в горсти так сильно, что ладонь заныла. Сердце пропустило удар и сразу же застучало, заторопилось так, что в ушах зашумело. Она

поднесла ладонь к глазам и внимательно осмотрела её содержимое.

– Люсиль? – робко позвали из-за двери. – Люсиль, ты у себя?

Мамаша Бенни, стараясь успокоиться, растёрла оставшуюся землю в руках, пересыпала в другую ладонь и, поднеся к вазону, проследила взглядом, как тёмная струйка медленно образует холмик.

– Люсиль, я пришёл просить прощения, – в голосе послышались страдающие нотки. Мамаша Бенни нахмурилась и склонила голову к плечу. – Я повёл себя как распоследний идиот, честное слово. Забудь, пожалуйста, всё, что я наговорил. Это было глупо с моей стороны, глупо и нечестно. И я больше никогда так не поступлю, обещаю. Люсиль, ты слышишь меня?

Мамаша Бенни мигом сообразила, что не одному только Арчи устраивают сцены ревности. Эдди, чтоб его! И надо же ему было выбрать именно тот момент, когда она здесь, в чужой гримёрке, и Люсиль вот-вот объявится на пороге и потребует объяснений.

Теперь, чтобы выпутаться из всего этого кошмара без потерь, Мамаше Бенни необходима была удача. В свете новых событий молиться она не посмела, чтобы не навлечь гнев Господа. Она стиснула зубы и очень тихо, очень аккуратно поместила в вырытую ямку пустую фарфоровую коробочку, а затем увядшее растение. Присыпала корни землёй, стара-

ясь, чтобы сверху оказалась сухая почва. Эдди тем временем всё продолжал каяться и уверять дверь гримёрной, что больше никогда не посмеет вести себя неподобающим образом.

В пяти футах от него Мамаша Бенни беззвучно выдохнула, отряхнула руки и осторожно опустилась на гримёрное креслице напротив зеркала. Собственное отражение напугало её – вытаращенные глаза, бисерины пота на лбу, съехавшая набок шляпка. Она привела себя в порядок, стараясь пошире расставлять локти, чтобы не шуршать рукавами, и тут в коридоре, прямо возле двери, слышались чьи-то тяжёлые шаги.

В первую секунду Мамашу Бенни охватил ужас, но она быстро сообразила, что лёгкая поступь Люсиль ничуть не похожа на этот слоновий топот. Тем не менее ситуация осложнилась – она чувствовала, что хозяйка гримёрной вот-вот явится и застанет непрошенную гостью на месте преступления.

– Слушай, Эдди, мне нужно потолковать с тобой кое о чём. Красотка Молли подвела меня, пришла предпоследней, а я тут малость задолжал одному типу...

Мамаша Бенни заскрежетала зубами в беззвучной ярости. Джонни Кёртис! Только его здесь ещё не хватало! В здании театра столько укромных уголков, а этим бездельникам нужно решать свои дела непременно у гримёрки Люсиль Бирнбаум. На мгновение её охватил порыв распахнуть дверь и выбежать наружу, а там будь что будет, но новые обстоятель-

ства не позволяли поступить столь опрометчиво.

Голоса стали отдаляться. Она медленно подобралась к двери, наклонилась, заглянула в замочную скважину. Потом приоткрыла дверь на полдюйма – в конце коридора, у лестницы, ведущей на третий этаж, виднелись Эдди и Джонни, стоявшие к ней спиной и увлечённые разговором.

Другого шанса не будет, решила она и выскользнула из чужой гримёрки, со всей возможной осторожностью прикрыв за собой дверь. Коленки у неё дрожали, когда она шла по коридору, не осознавая, куда идёт и зачем, и чувствуя, как изнанка платья прилипла ко взмокшей спине. Встретив по дороге Люсиль Бирнбаум, идущую ей навстречу, Мамаша Бенни опустила взгляд, опасаясь, что выдаст себя, а иначе бы она непременно заметила, что на высокомерном лице новенькой застыло несвойственное ей выражение сильнейшего испуга.

* * *

Скандал, которого Мамаша Бенни так стремилась избежать, всё же разразился.

Во время дневного представления по понедельникам публика была немногочисленной и в основном тихой – контрамарочники, почтенные матроны с детьми, горничные из лондонских предместий, развлекающиеся в свой заслуженный выходной, – поэтому адский шум, поднявшийся в зале, стал полной неожиданностью как для Филиппа Адамсона, так и

для остальных членов труппы, дожидавшихся выхода на сцену.

Крики «Возмутительно!», «Разврат!», «Прекратите это немедленно!», улюлюканье, топот – зрители вскакивали со своих мест, пробирались к выходу и требовали вызвать администрацию театра, чтобы подать жалобу. Громче остальных возмущались дамы, особенно те, что пришли с детьми, джентльмены же ухмылялись себе в усы и билеты сдавать не торопились.

Рафаил Смит и Филипп Адамсон, узнав причину волнений, попытались вернуть благосклонность публики, заверив их в непреднамеренности действий актрисы и пообещав контрамарки на весь театральный сезон, но часть зрителей всё же покинула зал, кипя от возмущения.

Люсиль Бирнбаум, оказавшаяся в эпицентре скандального происшествия, не проронила ни слезинки. Переступив через ком ярких лоскутков и кружевных лент, в который неожиданно для всех превратился её сценический костюм, в короткой шелковой сорочке с низким вырезом, облегающих панталонах и кружевном поясе для чулок, она спустилась через заднюю часть сцены и приняла из рук Эдди, поджентльменски опутившего взгляд, его бархатный плащ, в котором он изображал испанского гранда, поющего серенаду под балконом возлюбленной. Работник сцены, регулировавший движения занавеса, оказался не так хорошо воспитан и смотрел на побледневшую от ярости артистку до тех

пор, пока она, сверкая глазами, не объяснила в мельчайших подробностях, куда ему следует отправиться, отчего Эдди Пирс весьма заметно покраснел.

Новость разнеслась по театру в считанные секунды. Все, конечно, тотчас сообразили, что к чему, но выказывать сочувствие Люсиль Бирнбаум никто, кроме верного Эдди, не спешил. Имоджен, во время инцидента находившаяся вместе с ней на сцене, успела укрыться в своей гримёрке, чтобы её имя никак не связали со скандалом. Представление оказалось сорвано, посетители осаждали кассу, требуя вернуть им деньги за билеты. Филипп Адамсон готов был от отчаяния провалиться сквозь землю, и только выдержка Рафаила Смита, оказавшегося рядом, спасла его от опрометчивых решений.

Пока антрепренёр разбирался с недовольными и опровергал обвинения в нарушении общественной морали, Люсиль чеканила шаги по направлению к артистической уборной Имоджен Прайс. Губы её плотно сжались, сузившиеся глаза метали молнии, на Эдди, путающегося под ногами, она не обращала ровно никакого внимания. Как была, в алом бархатном плаще и танцевальных туфлях, она, выпростав руку из складок материи, толкнула дверь гримёрной, не постучав.

Для Имоджен визит Люсиль не стал неожиданностью. На её месте она бы тоже была взбешена сверх всякой меры и немедленно потребовала бы объяснений. Имоджен не переделась, оставшись в пышном кукольном платье, только сня-

ла гигантский розовый бант, крепившийся к поясу булавками, да прошлась по разгорячённому лицу пуховкой. Когда дверь распахнулась, она встретила гостью победной улыбкой, в которой не было и тени раскаяния. У бедняги Эдди, попавшего в перекрестье взглядов двух женщин, объявивших друг другу войну, перехватило дыхание, и он счёл за лучшее отступить с линии огня.

Люсиль вошла внутрь, и некоторое время на этаже было тихо. Лавиния Бекхайм, Мардж, Эффи и Мамаша Бенни – все одновременно приоткрыли двери и принялись с азартом вслушиваться в невнятное бормотание, доносившееся из гримёрки Имоджен. Эдди стоял у окна и от волнения сжимал и разжимал ладони, не зная, как ему поступить, если послышатся звуки потасовки или крики о помощи. Кого в этом случае он должен защищать? Имоджен, с которой его связывала артистическая солидарность и три года, проведённые бок о бок на театральных подмостках? Или же Люсиль, вокруг которой, казалось, сам воздух накаляется и вибрирует, словно над неукротимым пламенем? Не успел Эдди честно признаться себе, что, подобно отважному герою из рода Муциев, чаявшему великой славы и мало ценившему плоть, готов пожертвовать на этот огненный алтарь не только правую руку, но и всего себя целиком, как дверь гримёрки открылась, и Люсиль вышла в коридор. Остановившись напротив застывшей на пороге Имоджен Прайс, она победно расхохоталась.

– О, будь уверена, я всё тебе верну стократно! – пообещала она и улыбнулась особенно сладкой улыбкой. – Только вот это случится тогда, когда ты не будешь ожидать, милая Имоджен. Я же всё время буду настороже, и ты больше не сумеешь застать меня врасплох. Конечно, я ведь могу и передумать, так что на твоём месте я была бы очень, очень вежливой. Слишком многое на кону, правда, дорогая? Ты так долго к этому шла... Будет досадно, если все усилия окажутся тщетными, не правда ли? – Люсиль послала растерянной Имоджен воздушный поцелуй, повернулась на каблуках – её позабавило, как в ту же секунду одновременно захлопнулись все двери на этаже – и не спеша направилась к своей гримёрке.

Эдди, чья защита не понадобилась ни одной из участниц несостоявшегося поединка, не успев осознать, что делает, двинулся за ней в надежде, что слова поддержки ободрят её и утешат, но его жестоко отвергли. В силу житейской неопытности и поглощенности собственными чувствами он не учёл, что Люсиль Бирнбаум относится к тому типу женщин, что лучше возденут противника на копье или переедут колесницей, чем будут предаваться унынию и лить слёзы в тиши своей гримёрки. Внутри у Люсиль, будто олово в тигле, плавилась ярость, и щёки её пылали вовсе не румянцем стыда от того, что все в зрительном зале увидели какого цвета её подвязки, а чистым пламенем жажды отмщения.

Услышав за спиной робкие шаги Эдди, она обернулась

и дала волю чувствам. Этот тюфяк с лицом и телом мускулистого боттичеллиевского ангела успел до смерти ей надоесть. Поначалу он и его робкие ухаживания забавляли её, позволяя отвлечься от забот, и она даже немного подыгрывала ему, но с каждым днём он всё больше действовал ей на нервы.

– Что тебе нужно?! – она обернулась, и Эдди отпрянул от неприкрытого насмешливого презрения в её взгляде. – Да сколько же можно за мной таскаться, господи? – Люсиль закатила глаза, демонстрируя, что сил её нет больше это терпеть. – Что ты вечно мычишь как телёнок? Отстань от меня, слышишь?! Не смей за мной ходить! Ты понял, Эдди? Видеть тебя не могу!

Ошеломлённый переменой в ней, он стоял очень близко и силился понять, что же он сделал, чем заслужил такой бурный гнев. В алом плаще, струившемся вокруг её тела, с глазами, сияющими после недавней словесной баталии, Люсиль показалась бы ему прекрасной жрицей культа огнепоклонничества, если бы не выражение лица и жалящие слова, злыми осами слетавшие с её губ. И даже такой она оставалась ему дорога – в ореоле искр, порождённых неутолённым гневом, с бледным от пудры лицом, искажёнными злобой чертами – прекрасная, точно в жилах её текла не кровь смертных, а божественный ихор, и потому ей было позволено больше прочих.

– Уходи же, Эдди! Разве ты не слышишь, что я тебе го-

ворю? Лучше иди к Марджори Кингсли, к этой безобразной толстухе, что вечно таскает тебе шоколад и пирожные. Не сомневаюсь, что вы составите с ней отличную пару! Будете до самой старости распевать на сцене куплеты и веселить отребье с галёрки.

Он всё ещё оторопело смотрел на неё, и Люсиль в ярости, что не может его прогнать, топнула ногой, а затем ещё раз, и ещё.

– Уходи! Сейчас же! Да уйди ты, наконец!

– Нечестно так говорить, Люсиль, – Эдди, который был немного тугодум, предпринял попытку вступить за старую подругу. Он не принял во внимание тот факт, что все артистки театра «Эксельсиор», включая Мардж, прильнули к замочным скважинам и жадно ловят каждый звук, и потому слов не выбирал. – Марджори очень одинока, и мне было её жаль, только и всего. Я никогда не ухаживал за ней, всего лишь старался быть к ней добрее. Никогда, никогда я не относился к ней так, как к тебе! И ни она, ни кто другой не значат для меня столько же, сколько ты! Ты можешь мне верить, Люсиль!

У всех на виду Эдди покорно проследовал в подготовленную для него западню и даже не понял, когда наспех сплетённая крышка хлопнула над головой, отрезая путь к отступлению. Добыча была настолько бесхитростна и наивна, что Люсиль Бирнбаум не ощутила даже удовлетворения.

– Ты первостатейный идиот, Эдди Пирс, – сказала она

устало перед тем, как швырнуть ему в лицо плащ испанского гранда и запереться у себя.

Он так и остался стоять под её дверью, комкая бархат в руках так, что нежная материя зазмеилась полосками, а совсем рядом, в своей гримёрке беззвучно рыдала, закусив кулак, Марджори Кингсли, которая опрометчиво приняла жалость за любовь.

* * *

Тот, кто однажды выбирает для себя путь служения Мельпомене, знает, что рассчитывать на карманы, полные звенящих монет, могут лишь немногие, а вот тяготы обретения мастерства и неизбежные тернии ждут каждого. У Джонни Кёртиса наблюдался прискорбный недостаток первого и не менее удручающий избыток второго.

Деньги в его руках никогда не задерживались надолго. Сколько бы он ни выигрывал на бегах, всё утекало сквозь пальцы, будто мелкий речной песок. Недельное жалование, которое полагалось ему как второму танцору труппы, было, по его нынешним меркам, просто смехотворным. Как правило, его хватало на пару-тройку дней, а потом приходилось снова выгребать медяки из подкладки пальто и брать взаймы на приличный табак. Нищета, от которой он страдал в прошлом, внушила ему стойкое отвращение к экономии и склонность к неуёмным тратам и экстравагантным жестам.

Тем не менее Джонни и в голову не приходило требовать у Адамсона надбавку. В глубине души он был уверен, что не стоит и тех денег, которые ему платят. Вот Эдди Пирс – это да! Всё, что Джонни знал о сцене, о работе с публикой, о танце – он узнал от Эдди, и разница в жаловании казалась ему вполне справедливой. Если бы не Эдди, научивший его всему, то он бы так и остался в Дареме, где его ждала судьба отца и старших братьев, годами вдыхающих угольную пыль.

Джонни тоже пришлось потрудиться на благо империи – в двенадцать лет он первый раз спустился в шахту, ведя за собой грустного ослика с тележкой, и с тех пор – с самого первого дня – был готов на всё, лишь бы избежать этой незавидной участи. Однажды после окончания смены он даже пошёл на преступление: снял с осла упряжь, отвёл подальше от входа в шахту и, хлопнув его как следует по спине, отправил на вольный выпас. Глупый осёл, пробежав несколько ярдов, обиженно взревел и привычно потрусил в свой загон, отринув свободу. Этот случай только укрепил Джонни в желании как можно скорее покончить с работой в шахте и покинуть Дарем, и с той поры дня не проходило, чтобы он не искал возможностей осуществить своё намерение.

Поэтому, когда в их городишко приехала труппа странствующих артистов, Джонни безвозмездно предложил им свои услуги и с небывалым энтузиазмом принялся таскать коробки с реквизитом и путаться у всех под ногами, в надежде примелькаться и стать незаменимым. Он не гнушался бе-

гать в лавку за табаком, пивом и сардинами, начищал песком сбрую ослицы Дженни и выполнял сотни других мелких поручений, лишь бы получить шанс перебороть судьбу и покинуть отчий дом, где в трёх крохотных комнатuşках ютилась его семья из шести человек, четверо из которых спускались в шахту каждый божий день.

Старания его увенчались успехом. Расторопный, понятливый, неизменно вежливый и забавный – то на руках пройдёт, то расскажет немудрёный стишок или отпустит солёную шуточку, – Джонни Кёртис пришёлся странствующим артистам по душе, и они предложили ему должность работника сцены с небольшим, но стабильным жалованьем.

После этого ни один его день не походил на предыдущий. Нортумберленд, Йоркшир, Корнуолл, Маргейт (больше всех ему понравился Бристоль, где из любой точки города были видны пронзающие небо мачты кораблей) – труппа разъезжала по стране с весны до осени, к зиме сужая круги, чтобы в разгар сезона оказаться поближе к Лондону.

Однако работа, которую выполнял Джонни, не отличалась разнообразием, и вот, когда его уже начали посещать мысли, что он просто сменил одного осла на другого, всё круто переменялось.

Однажды в Шеффилде, после вечернего представления, когда все разошлись и павильон с дырявой крышей опустел, Джонни поднялся на сцену и, возрождая в голове слышанную им не раз мелодию, попробовал повторить то, что так

непринуждённо и мастерски проделывал каждый вечер перед публикой Эдди Пирс. Само собой, на деле это оказалось совсем не так легко.

Он запинался, путался с ритмом, который отбивал руками за неимением музыки, неуклюже падал. Вставал, вновь пытался заставить своё тело быть ловким и собранным. Он не видел себя со стороны, но подозревал, что выглядит как последний дурак. Каждый вечер, когда труппа предавалась заслуженному отдыху в театральной берлоге (так почему-то назывались гостиницы и пансионы для артистов, и это тоже стало одной из примет новой жизни), Джонни принимался репетировать.

Со временем он научился подчинять тело ритму и его движения стали свободнее и пружинистее, хотя всё ещё напоминали сельскую чечётку. Он соорудил для своих растоптанных башмаков съёмные подмётки из расплюснутых пивных крышек, и после этого дело пошло увереннее. Теперь, выбивая в гулкой тишине пустой сцены ритмичную дробь, он постигал новые возможности степа. Пяткой, носком, всей стопой – щелчок, поворот, двойной удар – вновь пяткой, носком, скользящей стопой – и хлопок, и вперед-назад на три четверти свободной от веса тела ногой. Сама собой, из ниоткуда, в его голове возникала музыка, и в часы, которые необходимо было тратить на отдых и сон, Джонни Кёртис предавался изнурительным тренировкам.

В день, когда он решил усложнить себе задачу и создать

новый ритмический рисунок с помощью забытой кем-то из зрителей трости, его застали с поличным. Рафаил Смит и Мамаша Бенни давно обсуждали между собой то, что Найдёныш, как прозвали Джонни Кёртиса члены труппы, в последнее время сам на себя не похож. Вечно осунувшийся, измождённый, какой-то весь примученный; одежда в беспорядке, глаза, сверкавшие нездоровым блеском – ну, на что это может быть похоже? В этом мире вдоволь соблазнов, вдоволь ловчих ям, а пороки юным душам часто кажутся привлекательнее добродетелей.

Он не сразу заметил, что за ним наблюдают. В тот вечер он чувствовал себя в ударе, впервые за долгое время ощущая полную власть над собственным телом и упиваясь тем, как чётко и послушно его ноги повинуются заданному ритму. Движения наконец обрели подобие той лёгкости, что восхищала Джонни в выступлениях Эдди Пирса, и аплодисменты старших товарищей стали первой наградой на тернистом пути к обретению подлинного мастерства.

Посоветовавшись, старожилы труппы решили, что потенциал Найдёныша необходимо развивать, и уже на следующий день Эдди Пирс стал его наставником. Обучение Джонни не было лёгким. Одного природного чувства ритма для работы на сцене было мало. Худошавое, даже тщедушное телосложение и короткие ноги не позволяли ему претендовать на роль солиста, а вытянутое лицо с узким лбом, широкой массивной челюстью и оттопыренными ушами закры-

вало дорогу к амплу артиста с лирическим репертуаром. (Надо сказать, Джонни Кёртис отлично сознавал недостатки собственной внешности и никогда не выходил к зрителям без шляпы, отвлекавшей внимание от его невзрачного облика.)

Тем не менее синхронный степ, к которому его готовил Эдди Пирс, оказался делом непростым, но достижимым. На протяжении полугода, шесть дней в неделю, три часа в день Джонни с фанатичным упорством беспощадно, как если бы объезжал упрямую лошадь, не желавшую покоряться, тренировал своё тело и брал уроки вокала у Лавинии Бекхайм, бывшей оперной певицы.

Тот вечер, когда Рафаил Смит от лица всей труппы поздравил его и преподнёс кожаные танцевальные туфли с алюминиевыми набойками, стал для него началом новой жизни, девиз которой звучал так: «Никаких больше ослов!» Этих безгрешных, в общем-то, созданий, которые у многих вызывают симпатию, Джонни крепко невзлюбил и до сих пор морщился всякий раз, когда они попадали в поле его зрения.

Теперь, спустя три с половиной года, сценическая карьера перестала казаться ему такой уж заманчивой долей, и театральные подмостки потеряли всякое очарование. Труд, ежедневный тяжкий труд. Избалованная, капризная лондонская публика, которую дважды в день нужно объезжать, как норовистую чистопородную кобылу, иначе рискуешь быть затоптанным в опилки манежа. Невозможность завести нормаль-

ную семью. И полное отсутствие перспектив.

Последнее больше всего удручало Джонни, который дураком отнюдь не был и прекрасно понимал, что давным-давно достиг пика своих невеликих возможностей. Большого актёрского таланта у него не было, подходящей фактуры тоже, а на одном степе далеко не уедешь. К тому же времена стремительно менялись. Джонни, обладавший хорошей интуицией, ещё два года назад понял, что прежние деньки не вернёшь, и вскоре на один мюзик-холл будет приходиться дюжина кинозалов.

Скандал, связанный с непристойным обнажением на сцене, прошёл мимо его внимания, так как сразу после своего выступления Джонни отправился к себе в гримёрку и предался невесёлым размышлениям.

Придвинувшись к зеркалу поближе (он с самого детства страдал близорукостью, но выписывать рецепт на очки не спешил из убеждения, что в них будет похож на гробовщика или младшего клерка какой-нибудь занюханной конторы), Джонни не слишком свежей салфеткой снимал грим, попутно размышляя, где достать сумму, необходимую для субботнего забега.

На ипподроме Кемптон-Парк у Джонни был верный человек, который не раз его выручал, подсказывая, какая лошадка кажется ему достойной хорошей ставки. Ошибался он редко, а когда брал свою долю, делал это так запросто и по-приятельски, что Джонни искренне считал его близким дру-

гом. Будет чертовски досадно, если он не добудет деньги к субботе и пропустит забег Заводной Мейбл.

Когда он, стерев с лица остатки грима, начал шарить в карманах небрежно брошенного на спинку кресла пальто в поисках папиросы, в дверь его гримёрки постучали.

– Не заперто! – выкрикнул Джонни невнятно, потому как в этот момент, зажав папиросу зубами, пытался прикурить от сломанной спички.

Высокий широкогрудый джентльмен с пышными усами и седеющей остренькой бородкой (точь-в-точь как у Эдуарда VII, внешнее сходство с которым Арчибальд Баррингтон сознательно подчёркивал) вошёл в гримёрку и, вдохнув аромат дешёвого табака, поморщился.

– Джонни, мальчик мой, немедленно брось это непотребство, – посоветовал он грудным раскатистым баритоном.

Он был в стёганом халате из плотного синего бархата, и на его внушительной фигуре с безупречной осанкой тот смотрелся как парадное облачение главнокомандующего. Арчибальд Баррингтон запустил руку в карман и вынул оттуда две короткие манильские сигары и механическую зажигалку.

– Брось, говорю тебе, – он протянул Джонни одну из сигар и принялся с видимым наслаждением раскуривать вторую.

Некоторое время мужчины молча дымили, наблюдая, как гримёрная наполняется ароматным туманом и очертания предметов – платяного шкафа, обувной стойки с танцевальными туфлями, настенного гобелена, на котором изображе-

но многорукое чудовище, обратившее к небесам сотню страдающих лиц – становятся все расплывчатее, словно медленно погружаются на глубину.

– Эта Люсиль Бирнбаум та ещё штучка, верно, Джонни? – вдруг хохотнул Арчибальд Баррингтон и шутливо подул на кончик сигары, отчего тот немедленно превратился в тлеющее дьявольское око. – Горяча, как горчица! Того и гляди обожжёшься! Эх, вот бы я был помоложе... Ну, вот как ты, например, а, Джонни?

Джонни Кёртис, который, пожалуй, единственный из мужской части трупы остался равнодушным к чарам новенькой, неопределённо пожал плечами.

– Такую девушку приятно сводить в какое-нибудь шикарное местечко, угостить парой коктейлей... – мечтательно продолжал Арчибальд. – У неё, знаешь ли, есть вкус. На неё и посмотреть приятно, и послушать, хотя она и не трещит без умолку, как некоторые. – Он помолчал, но так как Джонни не делал попыток поддержать беседу о Люсиль Бирнбаум, то спросил напрямую: – Признайся-ка мне, Джонни, мальчик мой, ты тоже решил попытать счастья? Я тут заметил, как ты любезничал с ней после репетиции. Решил перейти дорожку Эдди, а?

– Нет, вовсе нет, – подобное предположение почему-то возмутило Джонни, и он резко выпрямился в кресле. – Мы обсуждали очерёдность репетиций, только и всего. Иможден постоянно нападает на неё, заставляет больше заниматься...

– Очерёдность репетиций, ну, надо же! – Арчибальд, откинув голову, расхохотался, а после добавил назидательно: – Поверь мне на слово, ни к чему быть таким скромником! Женщины... – вздохнул он и не спеша направил дымное колечко к потолку. – Женщины, юноша, не терпят мямлей вроде Эдди Пирса. Пламя в их сердцах не разжечь телячьими взглядами и овечьим блеянием. Не будь ослом, мой тебе совет! А совет Арчибальда Баррингтона чего-то да стоит! – он пригладил бороду и принялся сыпать историями из тех времён, когда ему довелось выступать на сцене лучших лондонских мюзик-холлов и свести знакомство с настоящими звёздами комического жанра.

Все участники труппы не раз слышали эти байки (наполовину выдуманные, как многие полагали и, надо сказать, что тот, кто это утверждал, был не так уж далёк от истины), и Джонни приготовился отчаянно скучать в ожидании, когда же фонтан воспоминаний Арчибальда Баррингтона иссякнет. Пока собеседник извлекал из глубин памяти сомнительные подробности не менее сомнительных походов, Джонни пришло в голову, что одна-единственная сигара – ничтожно малая плата за то, чтобы покорно выслушивать стариковские небылицы. Деньги у Арчибальда Баррингтона водились всегда, и он по-товарищески одалживал их тем, кто знал к нему подход.

– Послушай, Арчи, раз уж ты сам про это начал... – Джонни сделал вид, что замялся. – А впрочем... Ладно, забудь.

– Ну-ка, ну-ка! – оживился тот.

Глаза его загорелись любопытством, и вид сделался как у добродушного дядюшки, снисходительно внимающего пылкому юнцу.

– Есть у меня на примете одна бойкая мисс, – Джонни опустил глаза, якобы из скромности, и продолжил: – Ножки, талия, да и мордашка ничего. Вот если бы у меня было несколько лишних шиллингов к субботе...

– Боже, что я слышу! Несколько шиллингов! Нет, вы слышите, господа?! Этот безумец говорит о нескольких шиллингах! – Арчи воздел руки к потолку и закатил глаза. – И этот скупердяй собирается приглашать несчастную девушку провести с ним субботний вечер! Да будет тебе известно, мистер Крохобор, что пара хороших шёлковых чулок и та стоит дороже нескольких шиллингов. Ты что же, поведёшь её в забегаловку за углом, а после отправишь домой на автобусе? Нет, Джонни, мальчик мой, я и не подумаю давать тебе несколько шиллингов. Если неизвестная мне юная мисс когда-нибудь узнает об этом, то она, отринув правила хорошего тона, плюнет старому Арчибальду в лицо, и кто её осудит за это? Уж точно не я! Я дам тебе три фунта и записку швейцару в «Аделфи», чтобы он пошептался с кем надо насчёт столика у эстрады. И обязательно закажи бутылку ледяного «Пола Роджера»! – закончив витийствовать, Арчи вынул из кармана халата портмоне и тут же выдал Джонни три фунта, присовокупив к ним горстку мелочи для уплаты чаевых.

Джонни, который и не надеялся получить такую крупную сумму, обратил к Арчи сияющее от радости лицо. Он уже видел, как ему улыбается удача – как объявляют его фаворита, пришедшего первым, как кассир, то и дело окуная большой палец во влажную губку, отсчитывает хрустящие купюры, а ипподромные приятели одобрительно хлопают его по спине и поздравляют с небывалым выигрышем.

– Я верну, Арчи, не сомневайся, я всё верну, – Джонни долго тряс его мягкую холёную ладонь, чувствуя к старику такую сильную признательность, что чуть было не попросил рассказать историю о Дэне Лено, который якобы много лет назад похвалил его комический номер, но, слава богу, вовремя одумался. – У меня скоро сыграет одно небольшое дельце, и я сразу же полностью расплачусь с тобой.

– Эх, молодёжь, – Арчи снисходительно покачал головой. – У вас одни сплошные дела, а жить когда вы будете? Вот, посмотри на меня! – он незаметно раздул щёки, чтобы усилить сходство с Эдуардом, и пригладил усы. – Я уже не так молод, как раньше, но по-прежнему полон сил и жизненной энергии! Я выступал на одной сцене с Маленьким Тичем и Вестой Тилли! Делил гримёрку с Джорджем Роби и Альбером Шевалье! Но никто! никто не может сказать, что Арчибальд Баррингтон сдулся! Я ещё таким, как ты, могу фору дать!

...Он долго ещё рассуждал о прежних временах, когда девушки были сплошь хорошенькие, а публика умела по досто-

инству оценить комический номер, постепенно вновь скатываясь к воспоминаниям о том, как в него была влюблена восходящая звезда Голливуда (без имён, мой мальчик, без имён, мы ведь с тобой джентльмены), а сам он в то же самое время разрывался между двумя актрисами из Друри-Лейн. Джонни же, который больше не вслушивался в поток нафталиновых баек о временах, когда его и на свете-то ещё не было, в мечтах уже видел себя владельцем успешной киностудии, или, на худой конец, заводчиком скаковых лошадей.

Однако в этот час только они вдвоём и предавались приятному отдыху. Пока Арчибальд Баррингтон сдувал пыль с блистательного прошлого, а Джонни Кёртис лелеял мечты о сияющем будущем, под ними, на втором этаже театра «Эксельсиор», где находились гримёрки актрис, вспыхнул новый скандал, который по силе отличался от недавнего так же, как короткая летняя гроза отличается от извержения вулкана.

Глава третья, в которой Оливия Адамсон обзаводится жильём на Аберкорн-плейс и получает письмо

Сент-Джонс-Вуд – не самый фешенебельный район Лондона, однако до трущоб Уайтчепела и Бетнал-Грин ему тоже далеко. В основном здесь живут служащие контор и банков, люди искусства, младшие клерки из Сити, преуспевающие аптекари, галантерейщики, зеленщики, продавцы готового платья и прочие лавочники из тех, у кого неплохо идут дела, а также молодые семьи с детьми, ценящие уют старых домов террасного типа и возможность иметь крошечный, размером с носовой платок полисмена, но всё же собственный садик.

Полутру в воскресенье те, кто живёт в непосредственной близости к церкви Святого Марка (где, к слову, можно насладиться видом великолепных мозаик Сальвиати), принаряженные и воодушевлённые, заполняют Гамильтон-Террас, Аберкорн-Плейс и близлежащую Лиссон-Гроув. В толпе слышится детский смех и отголоски разговоров бойких молодых женщин и их спутников. Джентльмены здесь большей частью носят котелки и шляпы, а не пропылённые матерчатые кепки фабричных рабочих, а на пальто каждой третьей модницы можно заметить меховой воротник из кролика или серебристой лисы.

В вечернее время первые этажи домов расцветчивают яркие витрины больших магазинов и мелких лавчонок, многочисленных пабов, чайных и закусочных, и потому центральные улицы Сент-Джонс-Вуд всегда выглядят празднично. Жизнь бурлит здесь в дневное и вечернее время, ночью же в районе относительно спокойно и между стен здешних домов не мечутся крики ограбленных или вопли перебравших забулдыг.

Обилие живущей здесь молодёжи, близость к Художественной школе Вуда и приятное, покойное ощущение, которое рождает вид основательных пятиэтажных домов из красного кирпича, окружённых тисовыми деревьями, решили дело. Договор об аренде небольшой, но уютной квартиры с одной спальней и двумя окнами, выходившими в сад, был заключён сроком на год. Когда Оливия Адамсон, молодая женщина с прямыми тёмными волосами, заплетёнными в небрежную косу, вышла из конторы агента по сдаче недвижимости, сжимая в кармане пальто тяжёлый ключ, то от радости была готова пуститься по лестнице вприпрыжку. Мистер Бруденелл, составивший договор, не утерпел и подошёл к окну сразу после того, как проводил клиентку к выходу.

Почтенный джентльмен пребывал в том возрасте, когда его никто бы не смог упрекнуть в чём-либо предосудительном, тем не менее он не мог отвести взгляда от высокой и стройной фигуры мисс Адамсон, которая спустилась с крыльца конторы и пружинистой походкой направилась к

подземке.

В широких брюках, свободном пальто и тёплом берете вместо шляпки, придерживая одной рукой холщовую сумку, в каких обычно ученики художественных школ носят принадлежности для рисования, она двинулась так стремительно, что вскоре скрылась из виду, оставив мистера Бруденелла стоять у окна со щемящим чувством, будто он забыл что-то важное и никак не может вспомнить, что именно.

* * *

Постигая новый опыт одиночного существования в разлуке с братом-близнецом, Оливия Адамсон неожиданно для самой себя вошла во вкус. Для неё, привыкшей жить в дешёвых пансионах и гостиницах средней руки, тут всё было внове: и то, что в многоквартирном доме на Аберкорн-Плейс толстые стены заглушали голоса других жильцов; и крохотная кухня с грандиозной, занимавшей почти всё свободное пространство плитой, к которой она пока так и не смогла найти подход; и даже тот факт, что спальня с огромной высокой кроватью и очаровательным кованым светильником в виде парусной шхуны находилась на втором этаже, куда из гостиной вела шаткая деревянная лестнка с резными перилами. По вечерам, погасив внизу свет, в спальню приходилось добираться на ощупь, или же брать с собой свечу в медном подсвечнике, и в такие моменты Оливия, так до конца и

не избавившаяся от детской манеры сообщать окружающему миру дополнительные штрихи, воображала себя хозяйкой огромного замка, поднимающейся в свою опочивальню.

Радость обладания вещами, ранее чуждая ей, бурно расцвела в эти наполненные одиночеством дни. С экстатическим наслаждением Оливия рассматривала в витринах фарфоровые сервизы, бродила по хозяйственному отделу Хэрсродса или, напустив на себя придирчивый вид, трогала различные образцы диванной обивки, воображая, как тот или иной узор будет смотреться в её новом жилище. Результатом этих изысканий стало неумеренное транжирство, которого Оливия, обладая весьма скромными средствами, обычно себе не позволяла.

Все вещи в квартире, которые ей не нравились, перекочевали в коробки и отправились в ссылку – в пыльную гардеробную под лестницей, где, как подозревала Оливия, некогда ютилось мышиное семейство, по неизвестной причине покинувшее своё тёмное и уютное жилище. Заполнив гардеробную коробками до самого потолка, оставив лишь небольшое пространство для своих скромных пожитков, она учинила генеральную уборку, а затем принялась расставлять по местам покупки.

В гостиной сразу стало уютнее, когда у пружинного дивана со сломанной спинкой появился компаньон – большое ушастое кресло с клетчатой обивкой и массивными подлокотниками. Рядом устроился торшер на высокой латунной

лапе. По вечерам он создавал волшебство: проникая сквозь жёлтый, яичного оттенка бархатный абажур, яркий свет заставлял позабыть о том, что за окном начало декабря и Лондон не видел солнца вот уже шесть недель по самым скромным подсчётам.

Кухня тоже преобразилась. В буфете поселились жестяные банки с печеньем, кофе, чаем и прочей бакалеей. На открытых полках, вытеснив щербатые чашки из дешёвого фаянса, стоявшие здесь невесть сколько и успевшие покрыться липким налётом, теперь стояли две фарфоровые – одна белоснежная, в мелких незабудках, вторая же ярко-голубая, с серебристой каёмкой, похожей на иней. На приставном столике обосновался тостер, над плитой нашла себе место медная кастрюля такой величины, что в ней можно было бы приготовить целого кабана, и в недрах посудного шкафа, как апофеоз хозяйственной лихорадки, охватившей Оливию, скрывался её побратим – невероятно пузатая фарфоровая супница, больше походившая на компактную сидячую ванну. (Это была не просто супница, а королева среди всех супниц – супница-символ, супница-олицетворение всего самого домашнего, что только существует в этом мире. Оливия нашла её в комиссионной лавке, и, хотя за неё просили больше, чем допускал здравый смысл или элементарные понятия о приличиях, она всё равно гордилась этой покупкой.)

Как ни странно, но после того, как разошлись их с братом пути и она без всяких сожалений съехала из маленько-

го грязного пансиона миссис Флloyd, что на Броуди-стрит, эта меблированная квартира на Аберкорн-Плейс подарила ей чувство настоящего дома. Впервые за множество лет Оливия по утрам пила чай из собственной, только лишь ей принадлежавшей чашки, а по вечерам читала или слушала радио в своём собственном кресле, устроив ноги на брошенной на пол подушке.

Изменения в жизни брата-близнеца, Филиппа Адамсона, она вопреки всем стараниям принять так и не смогла. Теперь, когда они оба благодаря полученному наследству имели возможность купить наконец дом в понравившемся месте, вести размеренную жизнь и перестать скитаться по дешёвым пансионатам, его одержимость некой Имоджен Прайс, актрисой смешанных жанров, и идеей арендовать для неё целый театр, казалась ей сродни предательству.

Ещё летом между близнецами наметилось охлаждение. Они отдалялись друг от друга медленно, но неотвратно. Каждый из них искренне сожалел о размолвках и потере взаимопонимания, но непоправимое уже свершилось – незримая связь, благодаря которой даже в разлуке они оставались единым целым, прервалась, и в новом одиночном существовании Оливия против собственной воли отчаянно тосковала по брату.

В августе, несмотря на все призывы сестры внять здравому смыслу и оставить пустую затею, которая может лишить его последних сбережений, Филипп окончательно решил по-

святить себя драматургии и стать антрепренёром труппы странствующих артистов. Это поставило точку в спорах между близнецами. Поддавшись чарам обворожительной Имоджен Прайс, Филипп с головой погрузился в новую жизнь, а Оливия из гордости запретила себе приезжать на Гров-Лейн.

Близнецы, которые раньше с трудом переносили расставание длиной даже в пару дней, теперь получали друг от друга редкие письма, тон которых был прохладен и преувеличенно любезен. Каждый ждал от другого капитуляции, и каждый собирался держать оборону до последнего. Затянувшаяся ссора разбивала Оливии сердце, но свойственное ей упрямство не позволяло пойти на попятную. Решимость Филиппа отстаивать свои убеждения и право поступать по-своему была также непоколебима.

Неизвестно, во что бы превратилось это противостояние между близнецами, если бы не письмо, которое доставили с вечерней почтой. Оливия вынула его из почтового ящика вместе со счетами от бакалейщика и, как только по надписи на конверте она узнала неряшливый почерк брата, сердце её забилось быстрее.

Сама не зная, что ожидает в нём найти, Оливия, которая только что вернулась с прогулки и успела не на шутку продрогнуть, бросила покупки на стол, включила плиту, так как в квартире было зябко, присела на низкую кухонную скамеечку и торопливо вскрыла конверт.

«Привет, Олив!

Надеюсь, у тебя всё хорошо. Дни стоят морозные, настоящая холодрыга. Вообще, зима в этом году не радует. Как поживает кузина Грейс с малышкой Полли? Ты, случайно, не виделась с ними? Наверное, кузина и тётушка Розмари уговаривают тебя приехать к ним на Рождество?»

Оливия нахмурилась. Кружить вокруг да около было не в характере Филиппа. Обычно его письма больше походили на телеграммы.

«Слушай, Олив, тут такое дело. Всё идёт не так гладко, как того хотелось бы».

Дальше между строк была втиснута фраза, явно написанная позже: *«Сделай усилие, постарайся не злорадствовать».*

Оливия ухмыльнулась и продолжила чтение.

«Чем ты там занимаешься сейчас? Записалась на художественные курсы, как планировала? А у нас тут всё наперекосяк. Квартира, что ты сняла, она хотя бы тёплая? У нас в пансионе собачий холод. Стараемся большие репетировать».

Хотел спросить тебя. Если ты сейчас не занята чем-нибудь крайне важным, то было бы неплохо, если бы ты смогла приехать на несколько дней. Познакомлю тебя с членами труппы. Серьёзно, все страшно хотят с тобой познакомиться. Миссис Сиверли, наша хозяйка, уже приготовила для тебя комнату.

P.S: бери с собой побольше тёплых вещей».

Вместо подписи в конце письма была наспех изображена долговязая женская фигура в фартуке с оборками, остроносых туфлях на кривых каблуках и с большущей бородавкой на кончике длинного носа. Оливия догадалась, что карикатура изображает хозяйку пансиона, и хмыкнула.

Она отложила письмо и выключила плиту. От сухого воздуха у неё резко разболелась голова.

Сумбурное послание Филиппа, в котором не было ни одного упоминания об Имоджен. Вопросы невпопад. Что-то произошло там, на Гроув-Лейн, и ей стало ясно, что письмо брата на самом деле было не чем иным, как отчаянной просьбой о помощи.

Глава четвёртая, в которой Оливия Адамсон прибывает в пансион на Камберуэлл-Гроув и получает от брата предложение, которое ей категорически не нравится

Миссис Сиверли, женщина немолодая и в высшей степени добропорядочная, с раннего утра была на ногах. Как всегда по понедельникам, впереди предстояла масса хозяйственных хлопот: отправить постельное бельё в стирку, предварительно обновив на нём метки, пересчитать полученные от прачки наволочки и простыни, заставить горничную хорошенько начистить серебро и сбить лёд с каменного крыльца, заказать провизию на всю неделю и оплатить счета бакалейщика и мясника – да мало ли дел найдётся у хозяйки пансиона?

Всю жизнь проведя в промышленном городке на севере Англии, миссис Сиверли, оставшись на всём белом свете одна, выгодно продала свой уютный коттедж и, добавив к вырученной сумме скромное наследство, переехала в Лондон, на Камберуэлл-Гроув, и завела пансион.

Дело сразу пошло. Её заведение стало пользоваться успехом сначала у отставных военных и пожилых леди, чьё благосостояние с годами медленно, но верно ухудшалось, потом у

молодых клерков и юных девушек, вынужденных зарабатывать себе на жизнь конторским трудом, а потом, совершенно неожиданно для неё – у артистов, которые почему-то называли её респектабельный пансион «берлогой» и относились к самой шумной категории постояльцев.

Платили они, как правило, вперёд (такой порядок миссис Сиверли завела после нескольких весьма огорчительных для неё эпизодов) и вносили в размеренную жизнь пансиона яркие краски и праздничную суету. «Никаких хождений в халатах и горячительных напитков! Разврата я не потерплю, у меня приличное заведение!» – строго, но доброжелательно заявляла она, и, хоть порой, конечно, бывали некоторые недоразумения, но по большей части означенные требования соблюдались.

Её отношение к жильцам было сродни отношению пожилой тётушки к любимым племянникам – шумным, не слишком воспитанным, от которых вечно ждёшь неприятностей, но без которых всё же не представляешь свою жизнь. Миссис Сиверли никогда не упускала возможности поведать молоденьким актрисам поучительную историю, которая должна была служить для них наставлением, или мягко обратить их внимание на необходимость посещать церковь и меньше пользоваться гримом вне сцены.

К джентльменам она относилась с опаской и если журила их за шум на лестнице в позднее время суток или находки в виде пустых пивных бутылок, о которых ей сообщала гор-

ничная, делала это с такой добродушной лаской, что назидание мало чем отличалось от похвалы. (Надо сказать, что миссис Сиверли состояла в обществе борьбы с пьянством и никогда не упускала случая подчеркнуть своё отношение к этому пороку.)

Кто-то, вероятно, мог бы назвать её чересчур бережливой или даже попросту скупой особой, но сама она, случись ей услышать намёки на подобное, любила цитировать Адама Смита, который утверждал, что всякий расточитель – враг общества, всякий бережливый человек – благодетель. Поспорить с этим было трудно, и жильцы молча терпели еле тёплые батареи и скудные трапезы, радуясь, как дети, когда по вечерам в гостиной разжигали камин и подавали хрустящие тосты с маргарином и домашним джемом.

Пансион миссис Сиверли располагался между постижёрной мастерской и аптекой, и выглядел так, словно кто-то сумел исхитриться и увеличить в несколько десятков раз кукольный домик, принадлежавший маленькой девочке. Фасад трёхэтажного здания в викторианском стиле был выкрашен в нежно-сиреневый цвет, но краска успела поблёкнуть и облупиться, и кое-где сквозь неё виднелись трещины в кирпичной кладке. У входа в пансион, на полукруглом крыльце с коваными перильцами стояли каменные вазоны с греческим орнаментом, и в одном из них неряшливо топорщились сухие, побледневшие от инея стебли. Из ниши рядом с дверью выглядывал металлический скребок для обуви.

Оливия Адамсон, стараясь по поскользнуться на облещенной корке, покрывающей ступени крыльца, с осторожностью приблизилась к парадному входу. Ей пришлось дважды дёрнуть за шнурок и услышать, как где-то в глубине дома гаснет дребезжащий звук, прежде чем дверь открыла раскрасневшаяся юная горничная в криво повязанном переднике.

– Вам кого, мисс? – спросила она с терпеливым видом человека, давно смирившегося с тем, что его непрестанно отвлекают от важных дел.

– Полагаю, мне нужна миссис Сиверли. Для меня должна быть приготовлена комната, – Оливия дружелюбно улыбнулась, но бледное лицо горничной осталось хмурым.

Та украдкой вздохнула и посторонилась, пропуская гостью внутрь, и Оливия, шагнув вперёд, очутилась в прихожей, до того тесной, что, казалось, войди сюда ещё один человек, и ему придётся стоять на одной ноге.

– Кто там, Элис? Я же тысячу раз говорила тебе, чтобы ты и не думала любезничать с зеленщиком на парадном крыльце! Он должен являться к чёрному ходу и оставлять свой товар там, и не отвлекать тебя от работы, а сразу же идти по своим делам!

Крутая деревянная лестница, ведущая на второй этаж, закрипела, и сначала Оливия увидела худые ноги в тёмно-серых нитяных чулках и остроносых туфлях, затем подол платья того же унылого оттенка, а после и целиком миссис Си-

верли. Хозяйка оказалась худощавой высокой женщиной с блёклыми полуседеыми волосами, узкими бледными губами и бесцветными, но очень густыми бровями. И её одеяние, и весь облик придавали ей сходство с гигантским мотыльком, которое усилилось, когда она стремительно спустилась в прихожую. В её маленьких светло-голубых глазках светилась насторожённость, а на кончике носа чудом держались очки в стальной оправе. Единственным украшением её скучного облика служила брошка в виде белой ленты, приколотая к лифу платья, какие носят члены британской женской ассоциации трезвости.

Взмахом руки хозяйка отпустила горничную, и та стремительно скрылась в глубине коридора, прошелестев накрахмаленным подолом форменного передника.

– Меня зовут Оливия Адамсон, миссис Сиверли. Мой брат, мистер Филипп Адамсон, написал мне, что у вас найдётся для меня комната.

Мимолётным движением руки миссис Сиверли поправила очки и сразу же расплылась в улыбке.

– Ах да! Ах да, конечно, – повторила она. – Комната! Ну разумеется, мисс Адамсон! Для вас имеется чудесная комната. Очень уютная. Вам непременно понравится. Я так и сказала мистеру Адамсону: предоставьте это мне, и я устрою вашу сестру как принцессу. Комната отличная, вот увидите. Небольшая, но очень, очень уютная. С великолепным видом. И... довольно тёплая, да.

Пока хозяйка расхваливала на все лады комнату, Оливию охватывали все большие подозрения на этот счёт. Внезапно умолкнув, миссис Сиверли подошла ещё немного ближе, впрочем, по-прежнему не делая никаких попыток забрать у гостьи саквояж, и, деликатно понизив голос, как если бы речь зашла о не самых приличных материях, поинтересовалась:

– А вы, мисс Адамсон, что же, поёте, танцуете? Вы ведь актриса, не так ли?

– Нет, нет, миссис Сиверли, – Оливия поспешно открестилась от принадлежности к братству служителей Мельпомены, – я приехала навестить мистера Адамсона, по его просьбе.

– Как угодно, мисс Адамсон, как угодно, – миссис Сиверли явно ей не поверила. – Да что же это такое! Где носит эту девчонку? Никогда её нет под рукой, когда она нужна. Элис! – она нахмурилась и, сделав пару шагов по направлению к коридору, крикнула ещё раз: – Элис!

Горничная появилась с ещё более недовольным лицом, чем прежде.

– Проводи мисс Адамсон в её комнату и не задерживайся, пожалуйста. Ты нужна мне на кухне.

Горничная, вновь демонстративно вздохнув, нехотя взяла у Оливии саквояж и, ни слова не сказав, принялась подниматься по лестнице. Она была такой худенькой, что ступеньки даже не скрипели под её весом.

Вместе с ней Оливия поднялась ещё на один этаж, потом ещё на один, потом проследовала по длинному коридору, в который выходило множество дверей. Как и на первом этаже, стены здесь были отделаны линкрустом, а на полу лежал линолеум, и такое пристрастие к искусственным материалам могло бы сильно порадовать Фредерика Уолтона¹, будь он до сих пор жив.

Было очень тихо, и Оливия поинтересовалась:

– А что, Элис, все остальные уже в театре?

– Что вы, мисс, – Элис так развеселило это предположение, что она даже повернулась к новой постоялице. – Все ещё спят. Театральные так рано не поднимаются. Правда, я видела, как мистер Адамсон уходил с час тому назад, и вроде бы с ним был мистер Рафаил. Вот они ранние пташки.

Она отперла ключом дверь, находившуюся в самом конце коридора, в неприметном закутке, и вошла в комнату. Пристроила саквояж на стул, стоявший возле кровати, одёрнула передник и мрачно посоветовала:

– Располагайтесь, мисс. – После короткой паузы она добавила: – Миссис Сиверли считает, что вам здесь будет очень удобно.

Спрятав неподобающую улыбку, горничная вышла, оставив гостью одну.

Опасения Оливии подтвердились. Как она и подозревала,

---

¹ Фредерик Эдвард Уолтон (1834–1928) – британский промышленник и изобретатель. В числе его изобретений линолеум и линкруст.

комната отнюдь не соответствовала высокой оценке хозяйки пансиона.

Узкая, с таким низким потолком, что Оливия могла упереться в него макушкой, если бы встала на цыпочки, загромождённая какими-то коробками и баулами, стоявшими у стены, она производила впечатление картонного жилища для куклы, которое наспех смастерил старательный ребёнок. Правда, определённый уют в ней всё же был, особенно если сравнивать с сырыми и тёмными комнатами пансиона на Броуди-стрит.

Стены, выкрашенные в кремово-бежевый цвет, были почти сплошь покрыты потускневшими портретами актёров и актрис, вырезанными из газет и журналов, и репродукциями на пасторальные темы, изображавшими барашков, пастушек и покрытые зеленью холмы и долины. Некоторые были без рамок, и бумажные края обтрепались и свисали неряшливыми фестонами.

Небольшое полукруглое окно украсили кокетливыми голубыми занавесками, которые сейчас были задёрнуты, узкую кровать застелили лоскутным одеялом с пышными рюшами, и в некоторых лоскутках можно было узнать ту же материю, из какой были пошиты занавески. По кровати беспорядочно разбрелись некогда пухлые бархатные подушки, сейчас своей формой напоминавшие чёрствые овсяные лепёшки. Платяного шкафа здесь не было, да он бы сюда и не поместился, зато к стене робко жался низенький пузатый комод с захва-

таннными латунными ручками. Здесь, на Камберуэлл-Гроув, могла бы поселиться старая дева, сестра каноника или сельского vicar, обожающая своего сиамского кота, или пожилая горничная, получившая скромное наследство, подумалось Оливии.

Она присела на кровать. Та незамедлительно издала протестующий скрип, а потом отчётливо что-то хрустнуло, и вся конструкция ощутимо зашаталась. Оливия тут же вскочила на ноги и подошла к окну. Отдёрнула занавески, помня о великолепном виде, обещанном хозяйкой пансиона – через мутное стекло виднелась часть улицы, параллельной Камберуэлл-Гроув, и чахлое деревце на заднем дворе, в ветвях которого вяло трепыхался обрывок бумаги. На подоконнике лежали жёлудь и сухая муха.

Она покатала жёлудь туда-сюда, ещё раз бегло осмотрела комнату и, обращаясь к томной красотке в меховом боа, улыбавшейся ей со стены, заверила её:

– И ничего страшного! Тут довольно уютно. Мне, знаете ли, доводилось жить в местах и похуже, тем более что это всего на пару дней.

Девушка на афишке продолжила улыбаться, скептически приподняв одну бровь.

* * *

Театр «Эксельсиор», в котором «Лицедееи Адамсона» с са-

мого начала сезона давали по два представления в день, благодаря подсказке миссис Сиверли долго искать не пришлось. Он располагался совсем рядом с пансионом, на пересечении двух оживлённых улиц, и выглядел весьма внушительно.

Четырёхэтажное угловое здание из серого песчаника имело величественный фасад с колоннами, широкими проёмами арочных окон и лепниной в виде виноградных лоз и притаившихся в них мифических существ. Черепичная крыша скрывалась за множеством стрельчатых башенок, дымовых труб и флигелей, отчего здание напоминало важничающую даму в богато украшенной шляпке.

Подойдя ближе, Оливия прочла на самой большой, самой красочной афише: «Спешите видеть! Каждый день, не исключая воскресенья, на сцене покорительница зрительских сердец, восходящая звезда мюзик-холла – несравненная мисс Имоджен Прайс!»

Тут же, в правом нижнем углу афиши, была изображена несравненная мисс Прайс: в матросском костюмчике, лихо сдвинутой набекрень фуражке и почему-то со штурвалом, который прижимала к груди обеими руками, кокетливо отставив в сторону ножку в парусиновой туфельке. Фантазия художника на этом себя не исчерпала – за спиной девушки красовались пальмовые ветви, экзотические цветы, пламенеющий закат и огромный попугай с видом одновременно хулиганским и недоумевающим. Нижний уголок был плохо закреплён, ветер трепал его, словно бродячий пёс обрывок

промасленной бумаги, и от этого казалось, что девушка на афише танцует, не в силах оставаться неподвижной.

Имена на остальных афишах Оливии были незнакомы. Она мельком просмотрела репертуар и, с усилием потянув на себя высокую дубовую дверь, вошла внутрь.

Запахи старого театра тотчас же обступили её со всех сторон, медленно подкрались, окутали тенями, заставили воскреснуть воспоминания из прошлого. В детстве близнецы, чей отец был знаменит громкой карьерой пианиста и не менее громким разводом с их матерью, часто бывали в театрах и музыкальных салонах, и запахи пыльных портьер и сухих цветов, сладковатой пудры и театрального грима, дерева и мастики на мгновение вернули ощущение предстоящего счастья, заставили сердце биться быстрее. Мимолётное дуновение сквозняка пронеслось дыханием призрака, и Оливия догадалась, что где-то внутри театра кто-то открыл двери в зрительный зал.

Она начала подниматься по широкой лестнице, одновременно оглядываясь по сторонам. Шаги её были бесшумны, рука скользила по мрамору перил, ощущая его гладкую прохладу. Роскошная люстра, висевшая под сводчатым восьмигранным потолком, сейчас терялась в сумраке, и вестибюль освещал лишь тусклый утренний свет, проникавший сквозь арочные окна. При таком освещении здание театра казалось спящим, заброшенным, как будто в нём не было ни одной живой души, кроме неё. Захотелось спуститься и толкнуть

двери – проверить, откроются ли.

В ту же секунду, как ей пришла в голову эта мысль, она услышала голос брата.

– Олив! Ты не представляешь, как я рад, что ты смогла приехать так быстро!

Филипп стоял на верхней площадке и казался искренне обрадованным. Не в силах дожидаться, пока она поднимется, он легко сбежал вниз, обнял сестру и повлёк её наверх, всё это время не прекращая говорить и прикасаясь к её плечу своим так, точно они по-прежнему были детьми и нуждались в ежеминутном подтверждении присутствия рядом другого. Радость от встречи и теплота, с которой брат её принял, согрели Оливии душу, заставили позабыть о недавних размолвках и о том, что послужило их причиной, и она даже не сразу поняла, почему в бурном потоке слов Филиппа всё чаще упоминаются имена Имоджен Прайс и некой Люсиль Бирнбаум.

Филипп распахнул перед ней двери, ведущие в зрительный зал, не слишком деликатно подтолкнул сестру вперёд и помахал рукой кому-то, кто находился на ярко-освещённой сцене.

– Я же говорил, что она непременно приедет! Сейчас я вас познакомлю! – прокричал он ликующе, и энтузиазм в голосе брата Оливии категорически не понравился.

Ровным счётом ничего не понимая, она вслед за ним поднялась на сцену и теперь сумела рассмотреть того, кому Фи-

липп так сильно желал её представить. Это был сухой жёлчный мужчина лет шестидесяти на вид, с длинным носом с горбинкой, очень тёмными глазами и такой же тёмной бородкой, свивавшейся в мелкие кольца и придававшей ему облик водевильного злодея. На бесстрастном лице его застыло выражение, будто бы он, разочаровавшись в жизни единожды, решил больше не давать ей шанса обмануть себя, и теперь на всё происходящее взирал с подозрительным ожиданием неминуемого подвоха. Одет он был небрежно: вязаный свитер горчичного цвета, фланелевые брюки с заплатками на коленях и твидовый пиджак, такой ветхий, что лацканы и манжеты обзавелись по краям неряшливой бахромой.

– Рафаил Смит, знаменитый маг, чародей и иллюзионист, объездивший всю Англию, Ирландию и Шотландию и всюду удивляющий публику своим мастерством. Моя сестра Оливия Адамсон, – представил их друг другу Филипп и сразу отошёл в сторону.

Ни слова не говоря, знаменитый маг и чародей медленно обошёл вокруг Оливии, крайне невежливо рассматривая её сверху донизу и время от времени бросая странные взгляды на Филиппа.

Оливия уже привыкла к тому, что их поразительное внешнее сходство вызывает у большинства людей изумление, сравнимое с оторопью, но подобное поведение заставило её порозоветь от досады.

– Филипп, может быть, ты объяснишь мне, что происхо-

дит?

– Вы и правда очень похожи на брата, мисс Адамсон, – вдруг произнёс Рафаил Смит, всё ещё разглядывая её. У него был мягкий бархатистый голос, однако в нём не было ни толики обаяния или желания расположить к себе собеседника. – И вы такая же высокая, как и мистер Адамсон, что не слишком подходит для наших целей, – неудовольствие в его тоне позабавило Оливию. – Тем не менее, я полагаю, что при должных усилиях мы непременно добьёмся успеха. Руки у вас достаточно крепкие?

– Кто добьётся успеха? И причём здесь мои руки? – быстро спросила Оливия и тотчас же обернулась к брату. – Филипп, что происходит?

Мужчины переглянулись, и Филипп, подхватив сестру под локоть, вновь повлёк её за собой. Всю дорогу упираясь и повторяя, что больше не сделает и шагу, пока Филипп не ответит на её вопросы, Оливия всё-таки последовала за братом и оказалась в каморке за сценой, всю обстановку которой составляли письменный стол, два стула, конторка и низкая кушетка из тех, что обычно стоят в привратничьих. В качестве единственного украшения на облупившейся стене висел тканый гобелен, изображавший одного из античных близнецов-лучников – Апполона, златокудрого юношу в ниспадающем складками хитоне, с колчаном серебряных стрел за спиной и лирой в руках. Его окружали девять прекрасных танцующих муз в развевающихся хитонах: их лица выражали

божественный экстаз, а в волосах сверкали золотые ленты.

Окна здесь отсутствовали, и источником неяркого жёлтого света, липкой плёнкой лежавшего на всех предметах, была настольная лампа с треснувшим плафоном. В этой тесной комнатке запахи старого театра почему-то усилились, и к ним прибавился отчётливый душок сырости.

Филипп усадил сестру на стул, предварительно смахнув с него пыль, а сам уселся на диван и обречённо вздохнул. На лицах близнецов застыло одинаковое упрямое выражение, но Оливия первой нарушила молчание.

– В третий и последний раз спрашиваю, Филипп, что происходит? Зачем я здесь? Если ты не ответишь на мои вопросы, я сейчас же заберу вещи из пансиона миссис Сиверли и уеду.

– Постой, Олив, не кипятись так. Я... я и правда должен объяснить тебе кое-что. Признаюсь, с моей стороны было не совсем честным умолчать о некоторых обстоятельствах. Но если бы я написал всё как есть, ты могла отказаться приехать!

– Как приехала, так и уеду, – хладнокровно заявила Оливия, демонстративно беря в руки сумочку. Лицо брата вдруг приняло такое потерянное выражение, что она невольно смягчилась: – Расскажи мне, Филипп. Расскажи, в чём дело.

– Я уже писал тебе, что у нас не всё так гладко, как хотелось бы, – было заметно, что признание далось ему с трудом. – Труппу с самого начала сезона преследуют неудачи.

Срок уплаты первого арендного периода в конце декабря, и плата фиксированная. Как бы туго ни шли дела, я должен буду заплатить, иначе нас вышвырнут на улицу. Оркестранты тоже потребуют свою долю. Мне повезло найти подходящее помещение, сама видишь, – и Филипп с нелепой гордостью обвёл руками крохотную комнатку, затерявшуюся в недрах театра, – но если мы его потеряем, то другого не найдём. Сейчас разгар сезона, сама понимаешь.

– Что за неудачи? Ты ничего не писал мне об этом, – тон Оливии всё ещё был холоден.

Филипп вновь испустил горестный вздох и принялся перечислять:

– Сперва случилось замыкание в реквизиторской. Потом Эффи Крамбл сломала руку. Имоджен осталась без напарницы – у них было два совместных номера, очень удачных, публика их хорошо принимала. Кроме того, Эффи ассистировала иллюзионисту, и из-за того, что она выбыла из строя, мы лишились уже четырёх номеров, а это треть программы, ведь труппа совсем небольшая.

До Оливии вдруг начало доходить. Теперь пристальное внимание к её персоне со стороны Рафаила Смита получило объяснение, как и замечания насчёт её роста и лживые уверения брата в письме, что «все страшно хотят с ней познакомиться».

– Постой, Олив, дай мне договорить! – взмолился Филипп. – Мы взяли на место Эффи новенькую, временно, по-

ка она не придёт в форму, но и тут нам не повезло. Люсиль Бирнбаум упала с капитанского мостика, и мы снова в ужасном положении. Шекспировская пьеса, в которой у Имоджен главная роль, ещё не готова к премьере, а включить её в репертуар раньше, чем мы будем готовы – это значит навлечь гнев критиков и испортить Имоджен шанс показать себя как серьёзную актрису. Это может погубить её сценическую карьеру, а играть всю жизнь в мюзик-холле слишком мелко для её таланта, сама понимаешь.

Оливия просто ушам своим не верила – худшие её опасения подтверждались.

– И ты вызвал меня, чтобы я вместе с Имоджен наряжалась юнгой, пела и танцевала на сцене? – Оливия вложила в эти слова всю язвительность, на которую была способна.

– Ну, это у тебя вряд ли получится, – с покоробившей её снисходительностью заявил Филипп. – Работа на сцене – это не так-то просто, как тебе кажется. Но ты права: я написал тебе, чтобы умолять выручить меня и всю труппу и на время! слышишь? только на время! ассистировать Рафаилу в нескольких номерах.

– Позволь, я уточню... – Оливия прикрыла глаза, будто не могла поверить услышанному. – То есть ты просишь меня стать помощницей фокусника? Ходить по рядам со шляпой в руке, а потом в эту же шляпу засовывать кроликов? Подкладывать в карманы зазевавшимся зрителям червовых дам, поддельные записки и прочую чепуху... – она оборвала себя

на полуслове. — А что же несравненная мисс Прайс? Разве она, такая опытная актриса с большим будущим, не справится с подобной ролью?

— У тебя крайне превратное представление о том, чем занимаются иллюзионисты уровня Рафаила Смита, — обиделся Филипп, никак не комментируя нападки на Имоджен. — «Лицедеи Адамсона» — это тебе не ярмарочные крикуны, и никаких кроликов в программе нет. Вообще, из животных у нас только мисс Дженни, почтенная ослица на пенсии, и Геркулес, дунайский кудрявый гусь.

— В самом деле? — холодно осведомилась Оливия, вставая и натягивая перчатки. — Какая прелесть. Ну, тогда успехов, — кротко пожелала она и решительно направилась к двери.

Филипп не остановил её. Она стремительно прошла по узкому коридору, потом поднялась по неприметным ступенькам, сразилась с бархатной портьерой, набросившейся подло, исподтишка, и, одержав над ней победу, оказалась снова на сцене, где маг и чародей Рафаил Смит возился с какой-то подозрительной штукой, торчавшей из разверстого люка в полу, пробежала по дорожке между рядами кресел, обтянутых винного цвета плюшем, толкнула неподатливые двери раз, другой, и наконец оказалась на площадке перед вестибюлем. Двери с мягким шорохом, словно кто-то испустил полный печали вздох, захлопнулись за её спиной.

Оливия сделала ещё несколько шагов вперёд. Ступила одной ногой на лестницу, замерла. Ей вспомнились летние со-

бытия во Фроингеме² и то, как она, применив фразу-заклятье родом из детства, вынудила Филиппа помочь ей.

Оливия ещё раз оглядела вестибюль, сейчас утопающий в тусклых сумерках зимнего утра.

Выход был совсем близко.

Представила, как вечером здесь закипит жизнь: нарядные пары будут подниматься по лестнице, предвкушая веселье, дети путаться под ногами и выпрашивать яркие безделушки и карамельных лошадок – всюду гомон и суета, позолота на серых буднях.

Достаточно добежать до пансиона, забрать вещи, и она даже успеет на дневное занятие в художественную студию. Мистер Ходжсон считает, что она делает заметные успехи.

Дунайский кудрявый гусь по имени Геркулес? Оливия, в прошлом у которой было не очень удачное, но гораздо более тесное, чем входило в её планы, знакомство с гусиной братией, понадеялась, что с Геркулесом ей дела иметь не придётся.

Она проделала обратный путь значительно медленнее. Филипп по-прежнему сидел в крохотной каморке за сценой. Он увидел сестру, и глаза его просияли надеждой.

– У тебя что, совсем никаких вариантов нет, кроме меня? – спросила Оливия, опускаясь на стул.

– Ты – наша последняя надежда, Олив, – просто ответил Филипп. – В разгар сезона невозможно найти стоящую сво-

---

² О летних событиях рассказывается во второй книге серии «Леди из Фроингема».

бодную актрису, да ещё на то жалование, что мы в состоянии платить ей. Никто в здравом уме на это не согласится. Кроме того, в реквизит Рафаила поместится далеко не каждая. Имоджен, например, слишком миниатюрная. Она попросту вываливается из кресла, а переоборудовать его будет стоить нам времени, которого у нас нет.

– Ну, хорошо, Филипп. Я согласна. И я хочу тридцать шиллингов в неделю. И никаких гусей! Если хоть один гусь приблизится ко мне ближе, чем на пять футов, то я...

– Двадцать, – быстро сказал Филипп. – И ещё жильё и стол. И никаких гусей! К тому же Геркулес пропал с неделю назад, и мы до сих пор не можем его найти.

Оливия, поразмыслив, кивнула, сняла пальто и повесила его на спинку стула.

– Договорились. Я помогу твоему Мардуку³ таскать кроликов из шляпы, но только до того момента, пока Эффи или та, новая девушка, Люсиль, которую вы нашли, не сможет меня заменить.

– Эффи нужно буквально пару-тройку недель, чтобы рука окончательно восстановилась, – медленно, со странной гримасой на лице ответил Филипп и нехотя добавил, понимая, что Оливии рано или поздно всё равно станет об этом известно, – а вот на Люсиль надеяться не стоит.

– А что с ней? – мельком поинтересовалась Оливия, раз-

---

³ Мардук – верховное божество в шумеро-аккадской мифологии. Изображался с длинной и выющейся кольцами бородой.

матовая шарф. – Она что же, серьёзно пострадала?

– Серьёзней некуда, Олив. Люсиль сломала шею.

Глава пятая, в которой Оливия Адамсон сводит знакомство с почтенной мисс Дженни, постигает изнанку магических иллюзий и узнаёт много интересного о Люсиль Бирнбаум

Исчезновение с последующей материализацией – вот что всегда по-настоящему изумляет как городскую, так и сельскую публику. За свою сценическую карьеру Рафаил Смит показывал этот фокус тысячи раз, но всё равно тот миг, когда улыбающаяся девушка из плоти и крови, в блестящем костюме, отвлекающем внимание от реквизита на сцене, бесследно исчезает, буквально растворяется в пространстве, – вызывает у зрительного зала долгий восхищённый вздох после того, как каждый из них следил, затаив дыхание, за таинственными манипуляциями Великого мага и чародея.

Прочие иллюзии, входившие в репертуар Рафаила Смита, тоже исполнялись с присущим ему мастерством и нравились публике, но ничто не могло сравниться с главным номером программы. Теперь же, в отсутствие ассистентки, исполнение хитроумного трюка было невозможно, и старый иллю-

зионист предвидел недовольство разочарованных зрителей, что, само собой, неминуемо отразится на сборах.

Не особенно полагаясь на Адамсона, который заверил его, что сестра непременно согласится выручить труппу, Рафаил посвятил утро тому, что пытался при помощи инструментов хотя бы на дюйм передвинуть крепления кресла, чтобы хрупкая Имоджен Прайс могла стать той самой исчезающей девушкой. Однако театральный реквизит был сработан на совесть, о чём говорило и фирменное клеймо известных в своей области мастеров «Штайнер и сыновья», и вытисненный на толстых кожах герб австрийского городка, откуда они были родом.

В сердцах побросав инструменты, Рафаил негромко выругался, но тут по ступенькам на сцену вихрем взлетел Филипп Адамсон. Нехотя, с обречённым и растерянным видом, за ним следовала его сестра. Поразительное сходство близнецов сейчас не слишком бросалось в глаза, так как лица их выражали совершенно различные эмоции.

– Она согласна, мистер Смит! Оливия согласилась!

Адамсон радовался, как ребёнок, не понимая, что подготовить его долговязую сестру к работе с реквизитом будет такой же непосильной задачей, как выдрессировать для этого ослицу Дженни. А уж её хмурый и не улыбающийся вид! Ни грана обаяния, даже странно. Впрочем, девушки сейчас совершенно не такие, как во времена его молодости.

Опасения иллюзиониста подтвердились сразу же. Снача-

ла мисс Адамсон не желала лезть в тёмный люк, из которого тянуло сыростью и мышами, потом с великим трудом, после долгих споров и заверений, что с ней не произойдёт ничего непоправимого, удалось пристегнуть её за талию, руки и ноги к креслу и медленно, чрезвычайно медленно и осторожно продемонстрировать работу реквизита.

На этом этапе Рафаил Смит и предвидел основные сложности, и, как человек поживший и с большим опытом, оказался прав. Когда мисс Адамсон вместе с креслом описала полукруг и на несколько мгновений оказалась в положении вниз головой (не то чтобы это было сделано специально, скорее, иллюзионист хотел подготовить свою будущую ассистентку к тому, что её ожидает), то из-под сцены отчётливо донеслись такие слова и выражения, каких девушки времён молодости Рафаила Смита себе ни в коем случае не позволяли. Дюжие работники сцены, проходившие в этот момент мимо, вздрогнули и принялись озираться по сторонам.

Когда же кресло описало полный круг, и мисс Адамсон вновь показалась из люка над сценой – самую малость растрёпанная и с такими глазами, что иллюзионист решил немного выждать перед тем, как вернуть ей свободу, – то она прерывистым тоном, сдувая с лица прядь волос, категорически заявила:

– Я бы хотела перекинуться словечком с мистером Адамсоном, если не возражаете. Прямо сейчас!

Филипп нашёлся неподалёку, у оркестровой ямы, где вёл

ожесточённый спор с музыкантами о недопустимости опозданий на репетиции. Рафаил Смит в нескольких словах передал ему суть проблемы и удалился. Оливия так и осталась пристёгнутой к креслу, и, как мог видеть иллюзионист со своего наблюдательного пункта, брат тоже освобождать сестру не спешил, предусмотрительно держась на безопасном от неё расстоянии.

Неизвестно, о чём близнецы говорили, но через четверть часа Филипп тяжело опустился на стул рядом с Рафаилом Смитом и устало сообщил:

– Можете работать дальше, мистер Смит. Только... как бы это сказать... не наседайте на мисс Адамсон очень уж сильно. К ней нужен особый подход. Тут похвалить, там промолчать. В общем, как-то так.

Ничего на это не ответив, фокусник сверился с карманными часами. До дневного представления, когда придётся освободить сцену, времени оставалось достаточно.

Вопреки ожиданиям, дальше дело пошло легче. После беседы с братом мисс Адамсон заметно присмирела, и из её взгляда пропало выражение хищного зверя, запертого в клетке. Убедившись, что работа поворотного механизма не наносит ей никакого вреда, девушка уже не так отчаянно закрывала глаза перед тем, как описать полный круг и вернуться в ту же точку.

Техническая сторона трюка с исчезновением и последующей материализацией сложностью не отличалась. Темп,

темп и ещё раз темп – вот залог успешного фокуса. Тут многое зависело от того, насколько быстро двигается ассистентка и что иллюзионист предпринимает, чтобы отвлечь внимание публики от истинных действий участников иллюзии.

Весь расчёт строился на том, что Оливия, пока фокусник делает вид, что читает магическое заклинание над накрытой покрывалом фигурой, должна была молниеносно привести в действие скрытый механизм, открывающий в сцене люк и переворачивающий кресло, задержаться под сценой для того, чтобы освободиться от оков, и ловко пробраться через тайный ход в зрительный зал, где её триумфальное появление возвещало публике о том, что фокус удался в полной мере. После этого Оливии предстояло проделать обратный путь и зафиксировать себя в кресле до того, как иллюзионист приведёт в действие поворотный механизм и вернёт его на сцену.

Для всего этого от ассистентки, по мнению Рафаила Смита, не требовалось большого ума, только подходящее сложение, ловкость и беспрекословное подчинение его приказам. Со вторым, и в особенности с третьим, дело обстояло плачевно.

Мисс Адамсон, немного освоившись, принялась задавать множество каверзных вопросов, и старому фокуснику пришла в голову мысль, что ему гораздо спокойнее, когда новая ассистентка находится в люке, под сценой, а не буравит его взглядом потемневших от досады серых глаз.

Тем не менее дело двигалось. Разумеется, впереди были долгие часы репетиций, так как все действия мисс Адамсон с поворотным механизмом хитрого кресла требовалось отточить до полного автоматизма, но даже сейчас, спустя несколько часов с начала работы, результат внушал Рафаилу Смиту надежду на успешный исход.

Пока лучшим показателем можно было считать четыре с половиной минуты, тогда как уложиться необходимо было в пятьдесят секунд. А ведь следовало ещё научить эту несговорчивую, как все они сейчас, девушку, правильно двигаться по сцене, обаятельно и открыто улыбаться публике, пользоваться гримом, а также обрядить её в шелковый восточный костюм, расшитый полумесяцами, блёстками и стеклярусом. С этим, как справедливо подозревал старый фокусник, могли возникнуть особые проблемы.

Когда отпущенное им время истекло, и за сценой послышались протестующие крики мисс Дженни, которую запрягали в тележку для номера, открывавшего дневное представление, Рафаил Смит вынул из кармана не слишком чистый носовой платок и устало промокнул взмокший лоб. В эту минуту ему казалось, что если бы ему и вправду пришлось готовить к выступлению на сцене ослицу, располагая всего пятью днями, то это и вполнину не было бы так утомительно.

– Ну, мисс Адамсон, для новичка вы справились неплохо, – неохотно признал он, помня слова Филиппа об особом подходе, и сразу добавил: – Но настраивайтесь на большую,

большую работу.

Оливия же, стараясь сохранить достоинство и не пыхтеть как паровоз после многочисленных утомительных пробежек под сценой, мрачно заверила его:

— О, я нисколько в этом не сомневаюсь, мистер Смит. А теперь поведайте мне, где я могу найти мистера Адамсона? Очень уж хочется повидаться с ним.

* * *

Растирая покрасневшие запястья, Оливия, с трудом сохраняя внешнее спокойствие, отправилась за кулисы на поиски брата.

Ещё недавно сцена и закулисные помещения были пусты, сейчас же всюду сновали рабочие в матерчатых кепках и серых куртках, переносившие громоздкий реквизит, где-то близко открывались и закрывались невидимые двери, отчего девушку, разгорячённую беготнёй по узкому тайному ходу под сценой, обдавали волны ледяного сквозняка и запахи зверинца. Никто не обращал на неё внимания, и какое-то время она растерянно бродила в сумрачном закулисье, неловко уворачиваясь от рабочих и стараясь не путаться у них под ногами.

Внезапно совсем рядом раздался истошный хриплый вопль, исполненный нечеловеческой муки, и Оливия нервно отшатнулась. Отступив на два шага, она наткнулась рукой на

что-то горячее, покрытое шерстью, и резко обернулась, не представляя, что ожидает увидеть.

Из-под густой каштановой чёлки на неё смотрели самые кроткие в мире глаза. Мисс Дженни, почтенная ослица с постоянным ангажементом, закивала, кокетливо запрыдала ушами, потянулась маленькой аккуратной мордой с белым пятном на носу к руке Оливии. Не обнаружив в ней угощения, ослица, не пытаясь более быть обаятельной, обиженно фыркнула, запрокинула голову и, раздувая круглые бока, прикрытые нарядной, расшитой бисером попонкой, вновь оглушительно пожаловалась на несправедливость этого мира и жадность отдельных его представителей.

На мгновение Оливия буквально оглохла от пронзительных криков, метавшихся в изрезанном пространстве закулисья, а потом увидела, как сбоку к ней приближается, шагая вразвалочку, вкрадчиво и вместе с тем угрожающе, словно полисмен к мелкому воришке, облако белых перьев. Маленькая голова с клювом на длинной шее уже тянулась к застывшей от ужаса девушке, когда из-за угла вышел плечистый мужчина с плетёной корзинкой в руках.

Он быстро оценил ситуацию и, сняв суконную кепку, принялся отгонять ею гуся от Оливии, стараясь не распалить того перед выступлением.

– Отходите, мисс, вон туда, – махнул он корзинкой в угол, где стоял деревянный сундук, обклеенный газетными вырезками, и бутафорская этажерка из картона. – И, бога ради,

не вздумайте шуметь! – предупредил он строго, хотя Оливия по-прежнему не издавала ни звука. – Гусь и так всегда нервничает перед представлением. Чарли не очень-то привычный к нашему делу, так что ни к чему его зря расстраивать.

Оливия, закатив глаза, не стала спорить и медленно отошла на безопасное расстояние. Всё это время ослица Дженни нетерпеливо перебирала копытами и тянулась мордой к плетёной корзинке, вновь совершенно беззастенчиво изображая приличную особу с кротким, как у голубицы, взглядом.

Загнав гуся на тележку, где тот принялся как ни в чём не бывало чистить перья, спаситель Оливии залихватски забросил кепку на голову, вынул из корзинки очищенную морковь и предложил её ослице на раскрытой ладони.

– Желаете, мисс, подружиться с нашей Дженни? – не оборачиваясь, спросил он. – Тогда угостите её. Смелее, мисс, она у нас девочка смирная.

Он протянул корзинку, и Оливия вынула из неё одну морковку, внимательно следя за настроением ослицы. Та весело хрустела угощением, по-прежнему выражая ангельскую кротость и миролюбие, и только её бархатные ноздри угрожающе подрагивали.

Оливия медленно, поглядывая на тележку, в которой как-то слишком подозрительно затих гусь, приблизилась к ослице на расстояние вытянутой руки, но тут над самым её ухом раздался голос Филиппа, полный неподдельного возмущения.

ния:

– Ну как же так, Олив?! Я же сказал тебе сразу после репетиции отправляться к мистеру Проппу, в костюмерную. Ты что, думаешь, у меня дел других нет, как искать тебя по всему театру?

Негодование Филиппа, молниеносно вошедшего в роль её нанимателя, позабавило Оливию, вот только возразить на это она ничего не успела. Брат, уверенно взяв её за руку, быстрым шагом пустился в обход сцены, и ей пришлось торопливо следовать за ним. До её слуха донеслась какофония звуков из оркестровой ямы, воспарили и сникли патетические ноты смутно припоминаемой оперной партии. Мальчишеский голос где-то рядом крикнул: «Давай, поднимай!» – и над близнецами с тихим опасным свистом пронеслось нечто огромное, цветное, отчего оба неосознанно пригнулись, и Филипп, распахнув неприметную дверцу, втолкнул Оливию в узкий коридор со стенами, затянутыми плюшем того же оттенка, что и сиденья в зрительном зале.

Всё это время он не выпускал руку сестры, и Оливия так и бежала вслед за ним, зажав в другой ладони очищенную морковку и неся её перед собой, как факел или же меч, вынутый из ножен. Из-за всей этой суматохи и шума она совершенно забыла, что собиралась без обиняков высказать брату всё, что думает по поводу его просьбы заменить ассистентку Рафаила Смита и подчиняться его безумным требованиям.

– Давай-ка заглянем к Лавинии Бекхайм, – неожидан-

но предложил Филипп и резко остановился перед фанерной дверью с жестяной семёркой, повисшей на одном гвозде.

Он деликатно постучал, и дверь тут же отворилась. На пороге стояла немолодая, но всё ещё красивая женщина с очень румяными щеками, высокой взбитой причёской, похожей на парик, и невероятно миниатюрными и белыми руками, которые она сейчас прижимала к пышной груди.

– Что, уже? – глаза её округлились. – Но ведь не было сигнала...

– Всё в порядке, мисс Бекхайм, не волнуйтесь, – успокоил её Филипп. – До вашего выхода на сцену ещё полчаса. Я забежал познакомить вас с моей сестрой, Оливией Адамсон. Ну, и узнать: как, на ваш взгляд, с Арчи сегодня проблем не будет? Как он?.. М-м-м... в форме?

Глаза Лавинии Бекхайм затуманились печалью. Она вяло кивнула Оливии, нелепо помахав ей рукой, будто прощалась с кем-то, кто сидел в купе поезда, и с нарочитым оптимизмом затараторила:

– Ну что вы, мистер Адамсон! – она даже всплеснула руками, демонстрируя всю неуместность предположения, что Арчи может быть не в форме перед выступлением. – Всего лишь лёгкая простуда, не более того! Это не мешает ему работать, уверяю вас!

Её глаза, круглые и блестящие, смотрели на Филиппа Адамсона, не моргая, и он в который раз подумал, что связываться с Арчи было большой ошибкой как для него, так

и для неё.

– Ну, значит, всё в порядке! – заключил он в той же оптимистичной манере, что и собеседница. – Мы поспешим, мисс Бекхайм, нас ждёт мистер Пропп. И помните, вечером в пансионе будет торжественный ужин в честь прибытия моей сестры. Разумеется, вы приглашены!

Лавиния Бекхайм, опять всплеснув холёными руками, принялась благодарить, но Оливия уже этого не услышала – Филипп вновь повлёк её за собой.

– Торжественный ужин в мою честь? Филипп, ты с ума сошёл? – прошипела она на бегу, пытаясь вырваться вперёд и заглянуть брату в лицо.

– Ты не представляешь, как все удручены последними событиями. Людям, как воздух, нужны хорошие новости, – назидательно произнёс Филипп, старательно не замечая её попыток освободиться. – А твой приезд – это как раз то что надо. И прошу, – тут он обернулся к сестре и умоляюще сложил ладони: – Постарайся быть со всеми поприветливее. Особенно...

Тут широкие двустворчатые двери, над которыми висела чеканная табличка с надписью «Костюмерная», распахнулись, и на пороге Оливия увидела Имоджен Прайс.

– С Имоджен, – свистящим шёпотом закончил Филипп свою мысль.

Лёгкое замешательство на подвижном лице Имоджен Прайс мгновенно сменилось растерянностью, а затем и бурной радостью от встречи. Эта быстрая смена выражений не укрылась от внимания Оливии.

– О, дорогая, вы всё-таки приехали! – в голосе Имоджен чувствовались теплота и приязнь, и объятия, в которые она заключила Оливию, казались такими естественными. – Мы все тут просто сходим с ума, правда, Филипп? Это по-настоящему самоотверженно с вашей стороны – выручить нас в такой нелёгкий для труппы момент.

В одной руке Имоджен Прайс держала за лапу упитанного игрушечного медведя с пуговичными глазами, а Оливия – очищенную морковь, и обе девушки с любопытством оглядели друг друга.

– Но я уже убегаю! Мне ещё нужно переодеться и наложить грим, ведь без него я сущее страшилище, а зрители, бедняги, такого явно не заслужили, – Имоджен переступила порог костюмерной, посылая всем воздушные поцелуи и помахивая медвежьей лапой, точно он тоже прощался. – Мой выход в самом начале второго отделения, так что я лучше потороплюсь.

Она ещё раз помахала всем и тут же скрылась из виду. Филипп и невысокий, начинающий лысеть джентльмен с порт-

новским метром на шее несколько секунд прислушивались к перестуку её каблучков, сохраняя на лицах до смешного одинаковое рассеянno-мечтательное выражение.

Оливия откашлялась.

– Мистер Пропп, я хочу представить вам нового члена труппы, – Филипп пришёл в себя и вернулся к прежнему деловому тону. – Моя сестра – Оливия Адамсон. Мистер Пропп – наш штатный волшебник и повелитель костюмерной. Он творит просто невероятные вещи! Благодаря ему у нас лучшие костюмы, какие только можно вообразить!

Джентльмен с портновским метром в ответ улыбнулся скромно, но не слишком. Похвала, хоть и была ему приятна, явно считалась им вполне заслуженной и нисколько не преувеличивающей его заслуги. Он принялся осматривать Оливию профессиональным цепким взглядом, обходя вокруг неё так же, как и Рафаил Смит недавним утром.

– Ну, что я могу сказать... Придётся шить, – наконец заключил он. – Ничего готового на рост мисс Адамсон у меня нет, – он с сожалением развёл руками.

– И сколько это потребует времени? – Филипп не скрывал озабоченности. – Костюм должен быть готов к субботе, мистер Пропп. Это возможно?

– Значит, к субботе... – мистер Пропп произвёл в уме какие-то вычисления и ещё раз оглядел Оливию с некоторым неодобрением. – Ну, раз нужно к субботе, значит, костюм будет готов к субботе. Но необходимо определиться с мате-

риалом.

Тут он распахнул огромный шкаф и резво принялся таскать из него рулоны чего-то блестящего, сияющего, словно слюда или стрекозиные крылышки, и бросать их на огромный стол для раскроя. Оливия ужаснулась – все предложенные варианты, на её взгляд, больше подходили для нарядов дешёвых кукол, каких продают уличные торговцы на Стрэнде.

– Филипп, ты уверен... – начала она несмело, но никто её не услышал.

Пока брат с мистером Проппом выбирали материю для сценического костюма, в немалой степени не интересуясь её мнением на этот счёт, Оливия немного осмотрелась. Костюмерная поражала воображение обилием зеркал, высотой потолков с превосходной лепниной и великолепием свисавших с него кованых люстр, озаряющих каждый уголок помещения с беспощадной ясностью. Манекены, одетые во фраки и сюртуки, выстроились вдоль стены, как солдаты на плацу. В углу теснилась стайка роскошных платьев, в ней соседствовали как современные наряды, так и туалеты елизаветинской, викторианской и эдвардианской эпох. Матовый струящийся эпонж, ломкий крепдешин, атлас, муар, шармез и синель – можно было подумать, что это костюмерная Королевского театра. На открытом, от пола и почти до потолка стеллаже виднелись шляпные коробки, и Оливия, в общем-то, равнодушная к подобным вещам, вдруг поймала се-

бя на мысли, что была бы не прочь заглянуть в эту пещеру Алладина и как следует порыться в её сокровищах. В простенке между двумя арочными окнами висело зеркало, над ним – гобелен с изображением крылатого воина с горящим взором и мечом, воздетым в запале битвы. Заинтересовавшись, Оливия подошла ближе и прочла надпись, вытканную золотыми нитями: «Зелус». Оглянулась в недоумении – суетливый лысеющий джентльмен с портновским метром на шее и подушечкой с иглами на запястье не обнаруживал никакого явного сходства с крылатым стражем из свиты Зевса, олицетворяющим страстное соперничество и рабскую преданность властелину.

– Оливия, подойди-ка сюда на минуточку, – Филипп поманил сестру рукой, и обманчивая кротость в его взгляде, совсем как у мисс Дженни, заставила ту почувствовать себя в ловушке. – Ты только взгляни! По-моему, это то, что надо!

После длительных препирательств с мистером Проппом на столе остались два рулона материи – тёмно-зелёный бархат цвета лесного мха и нежно-лимонная кисея, густо расшитая крошечными сверкающими звёздочками.

– Должно неплохо получиться, – нехотя вынес вердикт мистер Пропп.

И бархат, и кисею он специально отложил для платья мисс Прайс, играющей главные роли в шекспировской постановке, но спорить с Филиппом Адамсоном не стал, решив, что заменит материю для костюма Оливии позже.

Ей же не оставалось ничего другого, как покорно кивнуть, избавиться наконец от морковки, бросив её в мусорную корзину с обрезками тканей, и принять из рук костюмера портновский метр, чтобы снять мерки.

* * *

Эффи Крамбл отчаянно скучала. В этот час, когда все артисты труппы находились на Гроув-Лейн, пансион миссис Сиверли пустовал, и это нагоняло тоску. Книги Эффи не жаловала, а стопка театральных газет и журналов, лежавших под кроватью за неимением другого места, была давно прочитана от корки до корки.

Горничная Элис сразу же всем разболтала, что ранним утром в пансион прибыла сестра Филиппа Адамсона, и теперь Эффи караулила её, держа дверь своей комнаты открытой и вслушиваясь, не заскрипит ли лестница вниз. Ей не терпелось первой составить мнение о новой постоялице, чтобы получить фору перед такими записными сплетницами, как Мамаша Бенни и Лавиния Бекхайм. Вместе с тем она помнила, что Имоджен настоятельно предостерегала её от излишней откровенности с сестрой Филиппа, и это несколько задело её самолюбие, так как Эффи совершенно искренне считала себя неболтливой и весьма осторожной в высказываниях.

Когда в коридоре слышались чьи-то шаги, она потяну-

лась к двери и толкнула её мыском домашней туфли.

– Мисс Адамсон! Это вы? Не забежите ли ко мне на минуточку? – хорошо поставленный чистый и приветливый голосок Эффи был слышен, казалось, в каждом уголке коридора, и Оливии, утомившейся от новых впечатлений и мечтающей хоть на час оказаться одной, пришлось пересилить себя и откликнуться на зов.

На пороге комнаты появилась высокая стройная девушка, до того похожая на Филиппа Адамсона, что Эффи на секунду растерялась. Длинные волосы госты, уложенные в косу, в тусклом свете зимнего дня казались тёмно-каштановыми, а не рыжеватыми, как у брата, но выражение лица, походка и все те неуловимые особенности, что придают каждому человеку неотделимую от него индивидуальность, казались хорошо отрепетированным трюком, вроде того, как танцоры, выступающие дуэтом, ценой долгих усилий добиваются безупречной синхронности движений. Она была одета в мешковатые габардиновые брюки тёмно-синего цвета и свободный свитер из грубой коричневой шерсти, придающий силуэту громоздкость и скрывающий изгибы фигуры. Тёмная, невзрачная одежда подчёркивала белизну кожи, чистую яркость серо-голубых глаз и нежный румянец на высоких скулах, однако красавицей сестру Адамсона назвать было сложно. «Одеваться она явно не умеет. Или просто ленится прилично выглядеть», – отметила про себя Эффи. – «Да и губы не мешало бы тронуть помадой. Волосы остричь и завить,

брови привести в порядок, свитер отдать бродягам, всё одно у них жизнь не сахар...»

Гостья, стоявшая на пороге, чуть нахмурилась.

– О, мисс Адамсон, я... – Эффи не сразу вспомнила приготовленные заранее слова, но уже через секунду принялась за своё: – Входите, входите же скорее! Тут такие сквозняки... Я Эффи Крамбл, ваш брат, вероятно, рассказывал обо мне? Присаживайтесь вот сюда, в кресло, всё равно больше некуда... Ужасная здесь теснота, верно? И довольно прохладно, если честно. Надо признать, что миссис Сиверли могла бы, если бы захотела, конечно, предпринять кое-что, чтобы мы здесь не так мёрзли, но нет... Она делает вид, будто бы в пансионе стоит страшная жара и все кутаются в шарфы и пледы исключительно из желания досадить ей. Выпейте со мной чаю, мисс Адамсон! Я тут целыми днями одна и просто изнываю от скуки! До ужина, когда все возвращаются после вечернего представления, просто целая вечность проходит, – Эффи склонила к плечу голову в мелких кудряшках и, умильно улыбнувшись, прибавила вполголоса: – Я попрошу Элис сделать нам тосты с тем чудесным инжирным джемом, который миссис Сиверли держит для особых гостей.

Последний аргумент оказался решающим, так как Оливия пропустила ланч и успела как следует проголодаться. Эффи правильно истолковала её заинтересованный взгляд, и, вне себя от радости, что сумела первой заполучить сестру Филиппа Адамсона, дёрнула за шнурок.

Вопреки ожиданиям, Элис оказалась как никогда расторопной. Меньше чем через четверть часа она без стука внесла в комнату Эффи поднос с горячим чайником, фарфоровым молочником, серебряной сахарницей и чашками (правда, от другого сервиза, но в пансионе миссис Сиверли никто на такие мелочи внимания не обращал) и восхитительно пахнущими тостами, намазанными маргарином и тонким слоем янтарного, с мелкими косточками, джема из спелых фиг.

Тоста было четыре, и Эффи, вечно сражавшаяся со своим аппетитом, выбрала два самых больших, с толстым слоем маргарина и джема, радуясь, что некому отчитать её за такое вопиющее нарушение режима.

Горячий чай, тосты и дурашливая словоохотливость Эффи, которая молола всякий вздор и вела себя просто и дружелюбно, заставили Оливию расслабиться и перестать мысленно метать громы и молнии в адрес брата. Капелька бренди из небольшой фляжки, предложенная Эффи с бесшабашной щедростью пирата, превратила девушек в заговорщиц, а чай в их чашках – в согревающий и развязывающий языки грог. Вскоре они уже болтали как старинные подруги, отбросив всякие церемонии, и Оливия покатывалась со смеху, наблюдая, как Эффи пародирует манеру Рафаила Смита поглаживать бороду и свирепо шевелить бровями.

– Не представляю, мисс Крамбл, как вы ухитряетесь с ним работать, – призналась Оливия, содрогнувшись от воспоминаний о жутком переворачивающемся кресле и гнев-

ных окриках Рафаила Смита, раздосадованного её медлительностью. – Я как представляю, что завтра мне опять с ним репетировать...

– Вот глупости! Даже не вздумайте опускать руки, – Эффи в шутку легонько хлопнула Оливию по колену. – Это поначалу кажется, что нипочём не осилить новый трюк, а потом всё пойдёт, как по маслу, вот увидите. И с Бродягой сработаться несложно – просто выполняйте все его приказы и не спорьте с ним по пустякам. На самом деле он добряк, просто любит напускать на себя неприступный вид.

– С Бродягой?..

– Это мы так называем его, когда он не слышит, – Эффи нарочито принялась оглядываться по сторонам, прижимая указательный палец к губам. – Это потому, что когда-то давно, ещё до того, как стать волшебником, ему приходилось жить на улице. В труппе у всех есть прозвище, без этого не обходится. Миссис Бенджамин мы зовём Мамашей Бенни – ну, она вроде как не против, ей это даже нравится. Джонни – Найдёныш, Эдди – Танцор, Марджори – Греночка, Лавиния – Румяные Щёчки, вы поймёте почему, когда познакомитесь с ней. Имоджен – Куколка. Арчи – Лев, но это, скорее, из-за его амплуа, ну, вы понимаете.

Оливия не понимала, но решила не признаваться в этом.

– А у Люсиль, той девушки, что погибла, упав с декораций, было прозвище? – спросила она неожиданно для самой себя.

Лицо Эффи впервые за всю беседу приняло отчуждённое выражение. После паузы она всё же ответила, устремив взгляд в чашку, где ещё плескались остатки чая:

– Моровая Язва, вот как её прозвали. И не спрашивайте, пожалуйста, почему.

Последние слова Эффи прозвучали как приглашение, видно было, что девушке невероятно хочется поговорить об этом, но что-то её сдерживало.

Оливия, для которой тайны и недомолвки были, что для гончей свежий след зайца, сделала пробный заход.

– Я надеюсь, с Люсиль случилась неприятность не во время репетиции с мистером Смитом? Весь этот реквизит... Признаться, он не выглядит надёжным, – она постаралась облечь любопытство в опасения за собственную безопасность.

– Бродяга тут совершенно ни при чём, – Эффи сердито встряхнула кудряшками, отвинтила крышку фляжки и привычным движением плеснула щедрую порцию бренди прямо в остатки чая, потом быстро взглянула на гостью, но та как раз обернулась и, глядя в круглое зеркало, висевшее позади кресла, заправляла в косу выбившиеся пряди.

В зеркале отразилось лицо Эффи, и было так странно видеть на нём выражение неприкрытой злобы. Оливия вдруг ощутила, что в комнате холодно, а от окна сквозит. Когда она повернулась к собеседнице, та вновь улыбалась как ни в чём не бывало.

– Реквизит – это хлеб иллюзиониста, – серьёзно произнес-

ла Эффи, явно повторяя чьи-то слова. – Нельзя допустить, чтобы на сцене что-то пошло не так, и Бродяга никогда и никому не позволяет прикасаться к своим сундукам. Он почти всё делает сам, ну, кроме мелочей, которые можно поручить ассистентке. Так что выкиньте эти глупости из головы! С Бродягой вы в полной безопасности, он проверяет каждый винтик до и после всякого выступления.

– Как же тогда всё произошло? – Оливия подалась вперёд, не скрывая своего интереса, и одновременно придвинула к Эффи блюдо с последним тостом.

Та всё же поколебалась несколько мгновений, но, вспомнив, в каких категоричных выражениях разговаривала с ней Имоджен, решила, что ничего страшного не случится, если эту историю сестра Адамсона услышит от неё, а не от кого-нибудь другого.

– Это целиком её вина, – заявила Эффи без всякой жалости, беря предложенное блюдечко с тостом. – Имоджен тут совершенно ни при чём. Никто даже и не думает винить её в случившемся. Всё дело в том, что Люсиль была чудовищно непрофессиональна. Её и взяли-то лишь потому, что я на время выбыла из строя. Да, признаю, она быстро схватывала, буквально на лету, но для сцены этого мало. Нужно постоянно репетировать, отрабатывать каждое движение... Вы, мисс Адамсон, скоро сами убедитесь, что иначе невозможно. Публика не прощает промахов, – Эффи, жеманно откусив кусочек тоста и торопливо его прожевав, продолжила: – Лю-

силь думала, что ей всё чудесно удаётся, а когда сбивалась прямо посреди номера или не успевала вовремя вступить, винила во всём музыкантов, Имоджен, реквизит, туфли не по размеру или выкрики из зала. У неё всегда был виноват кто-то другой, не она.

– Филипп упоминал, что она откуда-то упала и сломала шею. Звучит просто ужасно, – Оливия содрогнулась.

– С капитанского мостика, – уточнила Эффи. – Это такой помост с двумя лестницами по краям и с фанерным штурвалом на самом верху. Мы с Имоджен в костюмах юнг пели про морячка Джима и с каждым куплетом забирались всё выше, каждая по своей лестнице, чтобы в финале станцевать моряцкую джигу там, наверху. Не так уж это и высоко, – повела она плечом, набивая себе цену. – Я бы и со сломанной рукой вмиг туда забралась. Там футов десять, не больше. Но, разумеется, нужно уметь держать равновесие и всё такое.

– А с этим у Люсиль, как я понимаю, были проблемы?

– Ещё какие! – Эффи презрительно фыркнула, ничуть не опасаясь показаться бессердечной. Её давно никто с таким вниманием не слушал, да и горячий чай со щедрой порцией бренди сделал своё дело. – Я вам так скажу: если бы не Бродяга, который замолвил за неё словечко, то даже мистер Адамсон мигом бы сообразил, что из Люсиль Бирнбаум такая же актриса, как из меня – архиепископ Кентерберийский, – Эффи вспомнила, с кем говорит, и слегка покраснела: – Ну, то есть я хотела сказать, что мистера Адамсона

можно понять. У него просто не было выхода – театральный сезон в самом разгаре, газетчикам уже раздали контрамарки...

– А кто-нибудь видел, как бедняжка упала? Присутствовал кто-нибудь при этом?

– Бедняжка, ага, как же! – Эффи скривилась и снова презрительно фыркнула. – Скажете тоже! Нет, конечно, жаль, что с ней такое приключилось, – тут же поправились она, заметив, что Оливию покорила её выходка, – но если бы вы, мисс Адамсон, знали Люсиль Бирнбаум, то ни за что не назвали бы её бедняжкой. Не из таких она была. Делала что хотела, и никто ей был не указ. С самого первого дня, как появилась, тут же принялась наводить свои порядки. Выбрала лучшую гримёрную из оставшихся, без спросу начала рыться в реквизиторской. Вытащила оттуда старючие пыльные гобелены, повесила сначала их у себя, а потом уговорила Лансело... то есть мистера Адамсона, – Эффи вновь легонько покраснела, и голос её взметнулся на пол-октавы, – развесить их у каждого в гримёрке. Вечно со всеми спорила, всех задирала...

...Эффи ещё долго перечисляла прегрешения покойной, но Оливия, повинувшись наитию, перебила её вопросом.

– А кто был изображён на вашем гобелене, мисс Крамбл? Эффи скорчила презрительную гримаску:

– Кошмарное какое-то существо – полуженщина-полузмея. Ума не приложу, как кому-то в голову взбрело такое.

Он у меня повисел два дня, а потом я его обратно отнесла, не желаю я каждый день смотреть на этакую...

– ...Ехидна, – задумчиво пробормотала Оливия, более не вслушиваясь в слова Эффи, которую не так-то просто было заставить замолчать.

– ...А она как увидела, что я избавилась от него, так и принялась улыбаться своей мерзкой...

– ...Мисс Крамбл, а почему вы сказали, что Имоджен тут совершенно ни при чём, и её никто не винит? – запоздалая реакция Оливии объяснялась усталостью из-за раннего подъёма и непривычных акробатических этюдов.

– Потому что в тот жуткий день – ну, когда всё случилось, – именно она заставила Люсиль пойти в театр после вечернего представления и репетировать танец на помосте. Но, уверяю вас, мисс Адамсон, Имоджен ни в чём не виновата! Люсиль допускала столько промахов на сцене, что просто удивительно, как публика её ни разу не освистала. И ей даже не было стыдно, представляете?! – Эффи вытирашила карие глаза и всплеснула одной рукой, отчего тёплая шаль тут же скользнула ей за спину. – Да на её месте я бы репетировала с утра до ночи и с ночи до утра, а она лишь посмеивалась. А когда мистера Адамсона не было рядом, то и вовсе говорила, что зрители – сборище лентяев и недоумков, можете себе представить?!

Беседа вновь свелась к тому, какой ужасной актрисой была покойная Люсиль Бирнбаум, и Оливия попыталась это

предотвратить.

– Вы, мисс Крамбл, должно быть, ужасно расстроились, когда всё произошло. Всё-таки несчастный случай, полиция... Это так действует на нервы, – сказала она участливым тоном.

– Ох, мисс Адамсон, и не говорите! – Эффи закатила глаза и прижала ладошку с наманикюренными пальчиками к груди. – Мы все до сих пор в себя никак не придём. Да, да! – Эффи покивала для большей убедительности и снова прижала ладонь к груди, и этот однообразный дежурный жест напрочь лишил её слова искренности. – Да мы-то что, мисс Адамсон! Вот ваш брат... Мистер Адамсон просто на себя был не похож, когда ему про Люсиль сообщили. Это ведь такие убытки для труппы! Мы уже неделю работаем по сокращённой программе, и недалёк тот час, когда кто-нибудь из публики сообразит, что за свои кровные получает только половину обещанного пирога. И Эдди, само собой, тоже загоревал.

– Эдди?

– Это который выступает с Джонни, – пояснила Эффи, ёрзая на кровати и пытаясь одной рукой накинуть шаль на оба плеча. – У них парные номера – чечётка, танцы, несколько скетчей.

– А почему Эдди горевал по Люсиль?

– Окрутила она его, – Эффи со старушечьим ханжеством поджала губы. – Голову ему морочила, а он, простая душа,

ничего и знать не хотел. Ходил всё за ней, ходил, как дурачок какой-то, честное слово. Весь светился, когда она с ним заговаривала, – Эффи зажмурилась, а потом резко распахнула глаза, придав лицу восторженное и придурковатое выражение. – Бегал за ней как собачонка.

– А полицейские кого-нибудь допрашивали?

– Нет, что вы, мисс Адамсон! – подобное предположение, казалось, до глубины души возмутило Эффи Крамбл. – Мы все приличные люди, а не какая-нибудь шайка бандитов, чтобы нас допрашивать. Скажете тоже, допрашивать!

– Я подумала, что необъяснимая смерть одной из артисток...

– Как же необъяснимая-то, мисс Адамсон? – Эффи раздосадовало, что гостя, поначалу показавшаяся ей приятной собеседницей, оказалась такой непонятливой и вместе с тем дотошной. – Говорю же, Люсиль Бирнбаум случайно сорвалась с помоста, и ничьей вины в том нет. Ей следовало быть поосторожнее, только и всего. Вы, что же, полагаете, что кто-то из наших мог...

– Нет-нет, мисс Крамбл, вы неверно меня поняли. Я ничего такого не имела в виду, – Оливия, понимая, что чересчур далеко зашла, пошла на попятную, но было поздно.

Высоко приподнятые тоненькие брови Эффи Крамбл сошлись в одну линию, взгляд стал колючим и неодобрительным:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.